

КАМИЛЛА ДЖКБЕРГ

ПРОГОВЕДНИК

**ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦИКЛА «ФЬЕЛЬБАКА»
ОБ ЭРИКЕ ФАЛЬК И ПАТРИКЕ ХЕДСТРЕМЕ**

**22 миллиона экземпляров книг в более
чем 60 странах на более чем 30 языках**

Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды

Камилла Лэкберг

Проповедник

«ЭКСМО»

2004

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Лэкберг К.

Проповедник / К. Лэкберг — «Эксмо», 2004 — (Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды)

ISBN 978-5-04-116646-5

Шокирующая находка в ущелье на окраине приморского городка Фьельбака: труп убитой после жутких истязаний туристки. А рядом – перенесенные откуда-то кости двух других девушек, чьи жизни прервались четверть века назад. Тогда в их исчезновении обвинили местную знаменитость Юханнеса Хульта, члена скандально известного семейства. После обвинений он покончил с собой. Действительно ли Хульт – убийца? И кто спустя столько лет решил продолжить его ужасное дело? У полиции мало времени – пропала еще одна туристка...

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-116646-5

© Лэкберг К., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Лето 1979 года	13
Лето 1979 года	36
Лето 1979 года	43
Лето 1979 года	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Камилла Лэкберг

Проповедник

Camilla Läckberg
PREDIKANTEN

Copyright © 2004 Camilla Läckberg First published by Bokförlaget Forum, Sweden Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden.

Фото автора на форзаце: Magnus Ragnvid Дизайн полусупера: Scandinavian Design Group, Oslo – Norway

© 2004 Camilla Läckberg First published by Bokförlaget Forum, Sweden Published by arrangement with Nordin Agency AB, Sweden

© Савицкая А.В., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Романы Камиллы Лэкберг:

Ледяная принцесса (Isprinsessan)

Проповедник (Predikanten)

Вкус пепла (Stenhuggaren)

Железный крест (Tyskungen)

Запах соли, крики птиц (Olycksfågeln)

Письмо от русалки (Sjöjungfrun)

Призрачный маяк (Fyrvaktaren)

Ангелотворец (Änglamakerskan)

Укротитель (Lejontämjaren)

Ведьма (Häxan)

Золотая клетка (En bur av guld)

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ПРОПОВЕДНИК

Москва
2021

Посвящается Микке

День начался многообещающе. Проснулся он рано, прежде остальных членов семьи, и, максимально беззвучно одевшись, сумел выскользнуть на улицу незамеченным. Ему удалось

также прихватить с собой рыцарский шлем и деревянный меч, которым он на бегу радостно размахивал все сто метров, отделявших дом от устья Королевского ущелья. Он на мгновение остановился и с почтением заглянул в скалистую расселину в центре горы. Ее края, отстоящие друг от друга на расстояние двух метров, вздымались на десятки метров к небу, где как раз начинало всходить летнее солнце. Посередине горного ущелья навеки зависли три огромных валуна, представлявших впечатляющее зрелище. Для шестилетнего мальчика это место обладало магической притягательной силой, и тот факт, что ходить в Королевское ущелье ему было запрещено, отнюдь не делал ущелье менее заманчивым.

Свое название ущелье получило после того, как Фьельбаку в конце девятнадцатого века посетил король Оскар II, но мальчик этого не знал, да его это и не волновало, когда он медленно пробирался в тень с деревянным мечом, готовый к нападению. Зато отец рассказывал ему, что сцены из Адского провала в фильме про Ронью, дочь разбойника¹, снимали в Королевском ущелье, и, когда он сам смотрел фильм, у него чуть больше захватывало дух при виде того, как предводитель разбойников Маттис скачет по ущелью на коне. Иногда он играл здесь в разбойников, но сегодня был рыцарем. Рыцарем Круглого стола, как в большой красивой книге с цветными картинками, которую ему подарила на день рождения бабушка.

Он прокрался через покрывавшие землю каменные глыбы и приготовился к отважному нападению на огромного огнедышащего дракона. Летнее солнце в ущелье не попадало, отчего оно превращалось в холодное и темное место. Идеальное для драконов. Скоро его стараниями из горла дракона хлынет кровь, и после затяжной смертельной схватки тот упадет замертво к его ногам.

Тут что-то замеченное боковым зрением привлекло его внимание. За большим камнем виднелся кусок красной ткани, и любопытство взяло верх. Дракон может подождать. Он разбежался, запрыгнул на камень и посмотрел за него. В первое мгновение он чуть не скатился назад, но, несколько секунд покачавшись, размахивая руками, сумел вновь обрести равновесие. Потом он не признается, что испугался, но тогда, в тот момент, он напугался сильнее, чем за всю свою шестилетнюю жизнь. Там лежала какая-то тетенька и подкарауливала его. Она лежала на спине, пристально глядя на него широко раскрытыми глазами. Первой мыслью было убежать, пока тетенька не поймала его, догадавшись, что он играет здесь, хотя ему запретили. Она, возможно, заставит сказать, где он живет, и потащится с ним домой к маме и папе, которые очень рассердятся и станут спрашивать, сколько раз они говорили ему, что в Королевское ущелье ходить без взрослых нельзя.

Но, как ни странно, тетенька не шевелилась. К тому же на ней не было одежды, и он на мгновение смутился от того, что стоит и смотрит на голую тетеньку. Тем красным куском, что он усмотрел, оказалась не материя, а лежавшая совсем рядом с тетенькой сумка, но никакой одежды он нигде не видел. Лежать здесь голышом странно. Ведь очень холодно.

Потом ему в голову пришла невероятная мысль: тетенька, наверное, мертвая! Никакого другого объяснения тому, что она лежит так неподвижно, он придумать не мог. Это заставило его спрыгнуть с камня и медленно попятиться к устью ущелья. Отступив от мертвой метра на два, он развернулся и со всех ног бросился домой. Его больше не волновало, отругают его или нет.

От пота простыня прилипала к телу. Эрика повертелась в постели, но найти удобное положение для сна оказалось невозможным. Светлая летняя ночь тоже не способствовала сну,

---

¹ По повести шведской пистальницы Астрид Линдгрен.

и Эрика в тысячный раз подумала о необходимости купить темные занавески и повесить их или, вернее, заставить Патрика.

Его довольное посапывание безумно раздражало. Как хватает наглости тихонько храпеть, когда она ночь за ночью не спит! Это ведь и его ребенок. Разве ему не следовало бы не спать из солидарности или чего-нибудь в этом роде? Она легонько толкнула его в надежде, что он проснется. Ни малейшего шевеления. Толкнула сильнее. Он забурчал, натянул на себя одеяло и повернулся к ней спиной.

Эрика со вздохом легла на спину, скрестила руки на груди и уставилась в потолок. Живот вздымался вверх, как большой глобус, и она попыталась представить себе плавающего в нем в темноте ребенка. Возможно, с большим пальцем во рту. Хотя все это по-прежнему казалось слишком нереальным для того, чтобы у нее в голове возникали изображения младенца. Она была на восьмом месяце, но все еще не могла привыкнуть к мысли, что в животе находится ребенок. Ну ладно, в ближайшем будущем это станет слишком реальным. Эрика разрывалась между желанием и страхом. Было трудно заглянуть дальше родов. По правде говоря, в настоящий момент ей было трудно посмотреть дальше проблемы не иметь возможности спать на животе. Она взглянула на светящиеся цифры будильника. Четыре сорок две. Может, лучше зажечь свет и немного почитать?

Спустя три с половиной часа, по прочтении плохого детектива, она уже собралась вылезти из постели, но тут пронзительно зазвонил телефон. Она привычно протянула трубку Патрику.

– Алло, это Патрик, – невнятным, сонным голосом пробормотал он. – Да, конечно... вот черт... да, я могу добраться туда через пятнадцать минут. Тогда увидимся там. У нас тревога. Мне надо бежать, – сказал он, повернувшись к Эрике.

– Но ведь ты в отпуске. Неужели это не может взять на себя кто-нибудь другой? – Она слышала, что ее голос звучит капризно, но проведенная без сна ночь хорошему настроению не способствовала.

– Это убийство. Мелльберг хочет, чтобы я подключился. Он тоже выезжает.

– Убийство? Где?

– Здесь, во Фьельбаке. Утром маленький мальчик нашел в Королевском ущелье мертвую женщину.

Патрик стал поспешно одеваться. Его задачу облегчало то, что была середина июля и требовалось лишь набросить легкую летнюю одежду. Прежде чем выбежать за дверь, он залез на кровать и поцеловал Эрику в живот, где-то в районе того места, где, ей слабо припоминалось, раньше у нее находился пупок.

– Пока, малыш. Не огорчай маму, а я скоро вернусь.

Он поспешно поцеловал ее в щеку и убежал. Эрика, вздыхая, выбралась из постели и надела одну из тех палаток, которые теперь служили ей единственной одеждой. Вопреки всему разумному она прочла множество книг о младенцах, и, по ее мнению, всех пишущих о полной радости жизни беременных следовало вывести на площадь и выпороть. Отсутствие сна, боли в суставах, растяжки на животе, геморрой, потливость и вообще гормональные нарушения – это ближе к действительности. И никаким внутренним светом она, черт возьми, не горит. Бормоча, Эрика медленно спустилась по лестнице и устремилась к первой за день чашке кофе. Ей хотелось надеяться, что кофе немного улучшит настроение.

Когда прибыл Патрик, на месте уже царила лихорадочная деятельность. Устье Королевского ущелья огородили желтым скотчем, и он насчитал три полицейские машины и «Скорую помощь». Криминалисты из Уддеваллы уже вовсю работали, и он по опыту знал, что заходить

на место преступления нельзя. Это ошибка новичков, что, однако, не помешало его начальнику, комиссару Мелльбергу, расхаживать среди криминалистов. Те с отчаянием смотрели на его обувь и одежду, приносящих в этот момент тысячи волокон и частиц на их уязвимое рабочее место. Когда Патрик остановился перед лентой и помахал Мелльбергу рукой, тот, к их большому облегчению, перешагнул обратно через заграждение.

– Привет, Хедстрём.

В его голосе чувствовалась сердечность, чуть ли не радость, и Патрик вздрогнул от удивления. На мгновение он вообразил, что Мелльберг собирается его обнять, но, слава богу, это оказалось лишь тревожным ощущением. Человека словно подменили! Патрик пробыл в отпуске не больше недели, а стоящий перед ним мужчина был действительно не тем человеком, которого он покинул мрачно сидевшим за письменным столом и бормотавшим, что отпуск следовало бы отменить как явление.

Мелльберг с энтузиазмом пожал Патрику руку и хлопнул его по спине.

– Ну, как у тебя дома обстоят дела с наседкой? Скоро кто-то появится?

– Говорят, только через полтора месяца.

Патрик по-прежнему не мог понять, что послужило причиной этих проявлений радости со стороны Мелльберга, но, отбросив любопытство, постарался сосредоточиться на поводе, по которому его сюда вызвали.

– Что вы обнаружили?

Мелльберг с явным усилием удалил с лица улыбку и показал в сторону тенистых недр ущелья:

– Мальчишка лет шести выскользнул из дома пораньше, пока родители спали, и собирался поиграть среди валунов в рыцаря. Вместо этого он нашел мертвую женщину. Нам позволили в четверть седьмого.

– Сколько времени криминалисты уже осматривают место преступления?

– Они прибыли час назад. Первой приехала «Скорая», и врачи сразу подтвердили, что какие-либо медицинские меры неактуальны, а потом криминалистам предоставили свободу действий. Знаешь, они несколько капризные... Я собирался просто зайти взглянуть, а они повели себя, я бы сказал, очень невежливо. Ну да ладно, если целыми днями ползаешь с пинцетом в поисках волокон, наверное, становишься немного щепетильным.

Теперь Патрик снова узнавал своего начальника. Послышались более свойственные Мелльбергу нотки. Впрочем, Патрик по опыту знал, что пытаться менять его представления не имеет смысла. Легче просто впустить это в одно ухо и выпустить через другое.

– Что нам о ней известно?

– Пока ничего. Навскидку лет двадцать пять. Единственный предмет одежды, если это можно так назвать, – сумка, в остальном же совершенно голая. Кстати, у нее довольно классные сиськи.

Патрик закрыл глаза, мысленно повторяя, как заклинание: «Ему недалеко до пенсии. Ему недалеко до пенсии...»

– Непосредственная причина смерти не видна, но ей довольно крепко досталось, – невозмутимо продолжал Мелльберг. – По всему телу синяки, и присутствуют раны – похоже, ножевые. Да, еще она лежит на сером одеяле. Патологоанатом уже здесь и осматривает ее, так что можно надеяться, скоро получим предварительное заключение.

Патрик увидел, что команда вокруг женщины приготовилась осторожно переместить ее в мешок для транспортировки трупа. На руки и ступни в соответствии с правилами уже надеты мешочки, чтобы сохранить возможные следы, и криминалисты из Уддеваллы привычно взаимодействуют, чтобы опустить женщину в мешок наилучшим образом. Потом им предстоит еще поместить в пластиковый пакет одеяло, на котором она лежала, чтобы позже его тщательно обследовать.

По изумленному выражению их лиц и тому, как они вдруг застыли, Патрик понял, что произошло нечто неожиданное.

– В чем дело?

– Вы не поверите, но тут лежат кости. И два черепа. Судя по количеству костей, я бы сказал, что оно как раз соответствует двум скелетам.

Лето 1979 года

По пути домой в ночь праздника летнего солнцестояния ее изрядно мотало на велосипеде из стороны в сторону. Празднование получилось несколько более бурным, чем она предполагала, но это не имело значения. Она ведь взрослая и может поступать как хочет. Главное, что ей удалось ненадолго избавиться от ребенка. От малышки с ее криками, жаждой ласки и требованием чего-то, что она не способна ей дать. Ведь это из-за малышки ей по-прежнему приходится жить с матерью, и старуха почти не выпускает ее из дома, хотя ей двадцать лет. Прямо чудо, что сегодня вечером ее отпустили на праздник.

Не будь у нее ребенка, она сейчас уже могла бы жить самостоятельно и зарабатывать собственные деньги. Могла бы уходить из дома, когда захочет, и возвращаться, когда заблагорассудится, и никого бы это не касалось. Но с ребенком такое невозможно. Большие всего ей хотелось куда-нибудь отдать девочку, но старуха не соглашалась, а расплачиваться приходилось ей. Раз уж матери так хотелось этого ребенка, могла бы ведь и заботиться о нем сама?

Старуха порядком рассердится, когда она прикатит домой под утро. От нее несет алкоголем, и за это наверняка придется завтра расплачиваться. Впрочем, это того стоило. Так весело ей в последний раз было еще до рождения малышки.

Она проехала прямо через перекресток возле бензоколонки и еще немного дальше по той же дороге. Потом свернула налево, в сторону Брекке, правда, ее чуть не занесло в канаву. Велосипед снова выправился, и она увеличила скорость, чтобы дополнительно разогнаться перед первой крутой горкой. Светлая летняя ночь была абсолютно безветренной, но встречный воздушный поток развеивал ей волосы. Она на мгновение закрыла глаза и подумала о той светлой летней ночи, когда немец зачал ей ребенка. Та ночь была прекрасной и запретной, но не стоила той цены, какую ей пришлось заплатить.

Внезапно она снова открыла глаза. Что-то заставило велосипед резко остановиться, и последним, что ей запомнилось, была приближающаяся к ней со страшной скоростью земля.

Вернувшись в отделение полиции Танумсхедде, Мелльберг погрузился в глубокие размышления, что было для него нетипичным. Сидевший напротив него на кухне Патрик тоже в основном молчал, обдумывая утренние события. Вообще-то для кофе было слишком жарко, но ему требовалось что-нибудь крепкое, а спиртное едва ли подходило. Каждый из них рассеянно помахивал воротом рубашки, чтобы немного освежиться. Кондиционер испортился две недели назад, но им пока так и не удалось вызвать кого-нибудь, кто бы его починил. Утром бывало еще терпимо, но к середине дня жара становилась мучительной.

– Что, черт побери, происходит? – Мелльберг задумчиво почесал где-то в середине гнезда из волос, свитого на голове, чтобы скрыть лысую макушку.

– Честно говоря, представления не имею. Труп женщины, лежащий на двух скелетах. Если бы не реальное убийство, я бы посчитал, что это напоминает мальчишескую проказу. Украденные из биологической лаборатории скелеты или что-нибудь подобное, но ведь нельзя отрицать, что женщину убили. К тому же я слышал комментарий одного из криминалистов: он говорил, что кости выглядят довольно старыми. Хотя, конечно, это зависит от того, как они лежали. Были они защищены от ветра и непогоды или нет. Будем надеяться, что судмедэксперт сможет приблизительно определить, сколько им лет.

– Вот именно; когда, ты думаешь, мы сможем получить от него первый отчет? – На лбу Мелльберга появились озабоченные морщины.

– Первый отчет мы, наверное, получим в течение дня, а потом ему, видимо, потребуется пара дней для того, чтобы изучить все немного более тщательно. Так что пока нам придется работать с тем, что у нас есть. А где остальные?

Мелльберг вздохнул.

– Йоста на сегодня отпросился. Какое-то дурацкое соревнование по гольфу или что-то в этом роде. Эрнст и Мартин выехали на вызов. Анника на Тенерифе. Наверное, думала, что это лето тоже будет дождливым. Бедняга. Едва ли уезжать из Швеции в такую погоду было приятно.

Патрик опять посмотрел на Мелльберга с удивлением, его заинтересовало такое необычное проявление сочувствия. Несомненно одно: происходит нечто странное. Однако сейчас тратить время на размышления над этим не стоит. У них есть дела поважнее.

– Ты, конечно, всю эту неделю в отпуске, но не мог бы ты все-таки подключиться и помочь с этим делом? Эрнст слишком прямолинеен, а Мартин слишком неопытен, чтобы вести расследование, поэтому мы действительно нуждаемся в твоей помощи.

Вопрос был настолько лестным для самолюбия Патрика, что тот с ходу согласился. Конечно, ему крепко достанется за это дома, но он утешал себя тем, что если срочно понадобится Эрике, то дорога до дома займет не более четверти часа. Кроме того, в жару они начинали действовать друг другу на нервы, поэтому, возможно, даже лучше, что его не будет дома.

– Первым делом мне хотелось бы проверить, не поступало ли заявлений о розыске какой-нибудь пропавшей женщины. Надо искать довольно широко, скажем, от Стрёмстада до Гётеборга. Я попрошу заняться этим Мартина или Эрнста. Похоже, они скоро вернуться.

– Хорошо, очень хорошо. Ты правильно мыслишь, так и продолжай!

Мелльберг встал из-за стола и радостно похлопал Патрика по плечу. Патрик понял, что он, как обычно, будет работать, а Мелльберг присваивать себе славу, но возмущаться этим фактом уже не стоило.

Он со вздохом поставил их с Мелльбергом кофейные чашки в посудомоечную машину. Сегодня крем от солнца ему не потребуется.

– Вставайте, вы что, думаете, это какой-нибудь чертов пансионат, где можно валяться целыми днями!

Голос пронзал толстый слой тумана и болезненно отдавался эхом о лобную кость. Юхан осторожно открыл один глаз, но, когда в него хлынул ослепляющий свет летнего солнца, поспешно снова закрыл.

– Какого черта... – Роберт, его старший брат, перевернулся в постели и положил на голову подушку. Ее резко сдернули, и он с ворчанием сел.

– Вечно здесь не дают подольше поспать.

– Вы только и знаете, что каждый день подольше спать, паршивцы. Уже почти двенадцать. Если бы вы не шлялись по ночам, занимаясь бог знает чем, наверное, вам не требовалось бы дрыхнуть целыми днями. Мне вообще-то нужна ваша помощь. Раз уж вы, взрослые мужики, ничего не платите за жилье и еду, то, на мой взгляд, ваша бедная мать вправе потребовать, чтобы вы ей немного подсобили.

Сольвейг Хульт стояла, скрестив руки на своем огромном грузном теле. Она была болезненно полной, с бледностью, свойственной человеку, никогда не выходящему из дома. Вокруг лица у нее перепутанными прядями свисали немытые волосы.

– Вам почти по тридцать, а вы живете за счет матери. Настоящие мужики, нечего сказать. Позвольте спросить, откуда у вас только деньги берутся, чтобы каждый вечер кутить? Работать вы не работаете и никогда не вносите никакой лепты в хозяйство. Скажу только, что будь здесь

ваш отец, он быстро положил бы конец вашей красивой жизни! Вы еще ничего не слышали из бюро по трудоустройству? Вы же собирались туда на позапрошлой неделе!

Теперь настала очередь Юхана положить подушку на лицо. Он попытался отгородиться от этого постоянного зудения, подобного пластинке, которую заело, но с него тоже резко сорвали подушку, и ему пришлось сесть с похмельной головой, грохочущей, как целый военный оркестр.

– Завтрак я давно убрала. Вам придется самим доставать еду из холодильника.

Огромная задница Сольвейг, покачиваясь, удалилась из маленькой комнаты, которую по-прежнему делили братья, и дверь за ней с силой захлопнулась. Попытаться улечься обратно они не посмели, но достали пачку сигарет и закурили. На завтрак они могли наплевать, а сигарета придавала жизненных сил и приятно обжигала горло.

– Слушай, клево мы вчера вломились... – Роберт засмеялся, выпуская в воздух кольца дыма. – Я же говорил, что у них дома будут классные штуки. Директор какой-то стокгольмской компании – само собой, черт побери, такие позволяют себе самое лучшее.

Юхан не ответил. В отличие от старшего брата он никогда не ощущал прилив адреналина во время грабежа, зато несколько дней до и после рейда он от страха ходил с большим холодным комом в животе. Однако он всегда слушался Роберта, и ему даже в голову не приходило, что он может поступить по-другому.

Вчерашний взлом принес им самую большую выручку за долгое время. Вообще-то народ начал проявлять осторожность и перестал держать в летних домах дорогие вещи, а оставлял там только старую дрянь, от которой они не знали где избавляться, или дешевку с аукционов, вызывавшую у них ощущение, что они обрели добычу, которая ни черта не стоит. Но вчера им достались телевизор, DVD-проигрыватель, игровая приставка «Нинтендо» и ювелирные цацки хозяйки дома. Роберт продаст их по своим обычным каналам, что принесет кругленькую сумму. Особенно надолго этого, конечно, не хватит. Краденые деньги жгут карман и через пару недель закончатся. Разойдутся на игру, гулянки со щедрым угощением компании и на кое-какие побрякушки. Юхан взглянул на дорогие часы на руке. К счастью, мать не разбирается в дорогих вещах. Знай она, сколько часы стоят, зудению не было бы конца.

Иногда ему казалось, будто он все время крутится, точно белка в колесе, а годы идут. С тех пор как они были подростками, по сути дела, ничего не изменилось, и он не видел никакого просвета. Смысл его жизни сейчас придавало только единственное, что он когда-либо утаивал от Роберта. В глубине души он сознавал, что, если доверится ему, ничего хорошего из этого не получится. Роберт своими грубыми высказываниями лишь превратит это в какую-нибудь грязь.

На секунду он позволил себе вспомнить мягкость ее волос на своей шершавой щеке и какой маленькой кажется ее рука, когда он держит ее в своих.

– Послушай, кончай мечтать. Нам нужно заниматься делами.

Роберт встал с качающейся в уголке рта сигаретой и первым вышел из комнаты. Юхан, как всегда, последовал за ним. Иначе он не мог.

В кухне на своем обычном месте сидела Сольвейг. С самого детства, после той истории с отцом, он видел, как она сидит на стуле возле окна, а ее пальцы неустанно перебирают то, что находится перед ней на столе. В первых воспоминаниях она была красива, но с годами ожирение все больше сказывалось на ее фигуре и чертах лица.

Сидя там, она, казалось, пребывала в трансе; пальцы жили собственной жизнью, непрерывно трогая и глядя снимки. Лет двадцать она возится с этими проклятыми альбомами, сортирует и пересортировывает. Покупает новые альбомы и снова вставляет фотографии и газетные вырезки. Красивее, лучше. Он был не настолько глуп, чтобы не понимать, что это ее способ сохранять счастливые времена, но когда-то ведь она должна уяснить, что они давно прошли.

Фотографии относились к тому времени, когда Сольвейг была красива. Кульминация в ее жизни наступила, когда она вышла замуж за Юханнеса Хульта, младшего сына Эфраима Хульта, знаменитого пастора свободной церкви и владельца самого богатого поместья в округе. Юханнес был красив и богат, а она была хоть и бедной, но самой прелестной девушкой во всем Бухуслене – в то время так говорили все. А если требовались еще доказательства, то достаточно было посмотреть на сохраненные ею статьи тех времен, когда ее два года подряд избирали Майской королевой². Вот их-то, а также многочисленные черно-белые фотографии ее самой в молодости она так тщательно берегла и ежедневно сортировала в течение двадцати лет. Она знала, что та девушка существует где-то под слоями жира, и с помощью фотографий могла сохранять ее, хотя с каждым проходившим годом девушка все больше ускользала у нее из рук.

Бросив последний взгляд через плечо, Юхан покинул сидящую на кухне мать и последовал за Робертом. Ведь Роберт сказал, что им нужно заниматься делами.

Эрика подумывала было отправиться на прогулку, но сообразила, что это, пожалуй, не слишком умно, поскольку солнце стоит высоко и на улице жарче всего. На протяжении всей беременности она чувствовала себя прекрасно, пока не началась настоящая жара. С этого времени она в основном слонялась, точно потный кит, отчаянно пытаясь найти где-нибудь прохладу. Патрику, благослови его Бог, пришлось в голову купить ей настольный вентилятор, и теперь она носила его с собой по всему дому, как сокровище. Недостатком вентилятора было то, что он работал от сети, поэтому она не могла сидеть дальше от розетки, чем позволял шнур, что ограничивало возможности.

Однако на веранде розетка располагалась идеально, и Эрика могла улечься на диван, поставив вентилятор на стол перед собой. Максимум через пять минут любая позиция оказывалась неудобной, из-за чего ей приходилось постоянно вертеться в попытках найти комфортное положение. В некоторых позах ей прямо в ребро попадала нога ребенка, или что-то, скорее всего рука, упорно било ее в бок, и тогда снова возникала необходимость переместиться. Как выдержать такое еще месяц с лишним, оставалось для нее загадкой.

Они с Патриком прожили вместе всего полгода, когда она забеременела, но, как ни странно, никого из них это не озадачило. Оба были уже не первой молодости, несколько лучше знали, чего хотят, и посчитали, что ждать незачем. Только сейчас она начала всерьез задумываться, но вроде бы поздно. Может, у них слишком маленький опыт совместной обывательской жизни для того, чтобы отважиться на такое? Выдержат ли их отношения внезапное появление маленького незнакомца, который потребует все внимание, до сих пор уделявшееся ими друг другу?

Конечно, бурная, слепая влюбленность первого времени уже миновала, и у отношений существует более реалистичная, будничная основа, им уже знакомы хорошие и плохие стороны друг друга, но что, если в водовороте после рождения ребенка останутся только плохие стороны? Разве ей не доводилось многократно слышать статистику супружеских отношений, распавшихся в течение первого года жизни первого ребенка? Впрочем, размышлять над этим сейчас бессмысленно. Что сделано, то сделано, да и нельзя отрицать, что они с Патриком оба хотят этого ребенка каждой нервной клеточкой своего существа. Можно надеяться, что это желание окажется достаточным, чтобы помочь им выдержать глобальные перемены.

Когда зазвонил телефон, она вздрогнула. С большим трудом поднялась с дивана, надеясь, что звонящему хватит терпения не положить трубку, пока она подойдет.

---

² Девушка, выбираемая 1 мая, чтобы возглавить празднование перехода весны в лето.

– Да? О, привет, Конни. Спасибо, хорошо, только немного жарковато для такой толстухи, как я. Навестить? Да, конечно ... приезжайте на кофе. Переночевать? Да-а-а... – Эрика мысленно вздохнула. – Ну конечно. Когда вы приедете? Сегодня вечером! Да, нет, разумеется, никаких проблем. Я постелю вам в гостевой комнате.

Она устало положила трубку. В летнее время наличие дома во Фьельбаке имело большой минус. Внезапно объявлялись родственники и знакомые, не звонившие в течение десяти более холодных месяцев года. В ноябре общение их не особенно интересовало, но в июле они видели шанс бесплатно пожить с видом на море. Поскольку половина июля прошла без звонков, Эрика думала, что этим летом их пощадят. Но вот позвонил кузен Конни, который уже едет во Фьельбаку из Трольхеттана вместе с женой и двумя детьми. Речь идет только об одной ночи, а это она, наверное, выдержит. Вообще-то никого из своих двоих кузенов она особенно не любила, но воспитание не позволяло ей отказывать им в гостеприимстве, хотя именно так и следовало бы поступать, поскольку она считала их прихлебателями.

Эрика в любом случае была благодарна тому, что у них с Патриком есть дом во Фьельбаке, где они могут принимать гостей, званых или незваных. После скоропостижного ухода ее родителей зять попытался инициировать продажу дома. Но ее сестре Анне наконец надоело терпеть физические и психические издевательства со стороны мужа. Она развелась с Лукасом и теперь владела домом совместно с Эрикой. Поскольку Анна с двумя детьми осталась жить в Стокгольме, Патрик и Эрика смогли поселиться в доме во Фьельбаке и зато полностью его содержали. Со временем им потребуется решать вопрос с домом на более постоянной основе, но пока Эрика просто радовалась тому, что по-прежнему может сохранять его и жить в нем круглый год.

Оглядевшись, она поняла, что необходимо поторопиться, если она хочет к приезду гостей привести дом в подобающее состояние. И задумалась над тем, что скажет Патрик по поводу предстоящего вторжения, но потом вскинула голову, решив, что если он бросает ее здесь одну и отправляется посреди отпуска на работу, то она имеет право, если ей хочется, принимать гостей.

Эрнст и Мартин действительно вернулись с вызова, и Патрик решил для начала ввести их в курс дела. Он позвал их к себе в кабинет, и они уселись на стулья перед письменным столом. Нельзя было не заметить, что лицо Эрнста густо покраснело от злости из-за того, что руководить расследованием назначили Патрика, но Патрик предпочел проигнорировать это. Пусть с этим разбирается Мелльберг, а в худшем случае, если Эрнст откажется сотрудничать, он без его помощи обойдется.

– Полагаю, вы уже слышали о том, что произошло.

– Да, мы слышали по полицейской рации. – Молодой и полный энтузиазма, Мартин сидел, в отличие от Эрнста, вытянувшись по струнке, с блокнотом на коленях и ручкой наготове.

– Итак, во Фьельбаке, в Королевском ущелье, нашли убитую женщину. Обнаженную, на вид где-то между двадцатью и тридцатью годами. *Под* ней обнаружили два человеческих скелета неизвестного происхождения и возраста, но я получил от Карлстрёма из криминалистического отдела неофициальное предположение, что они не самые свежие. Так что у нас, похоже, появилось довольно много работы помимо пьяных драк и вождения в нетрезвом виде, которых по горло. Поскольку Анника и Йоста отпущены, нам пока придется засучить рукава. Я, правда, эту неделю тоже в отпуске, но согласился подключиться к работе и буду, по желанию Мелльберга, руководить расследованием. Вопросы есть?

Вопрос обращался прежде всего к Эрнсту, который, однако, предпочел не вступать в конфронтацию – наверняка чтобы потом жаловаться у него за спиной.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? – Напоминающий взмыленную лошадь Мартин нетерпеливо описывал ручкой круги над блокнотом.

– Я хочу, чтобы ты для начала пробил по базе, какие есть заявления о женщинах, пропавших в течение, скажем, последних двух месяцев. Пока у нас нет сведений от судмедэкспертов, лучше взять интервал побольше. Хотя я бы предположил, что смерть наступила ближе по времени, возможно, всего пару дней назад.

– Ты разве не слышал? – спросил Мартин.

– Не слышал что?

– Компьютерная база не работает. Нам придется наплевать на нее и проверять старым добрым способом.

– Проклятье. Как чертовски не вовремя. Ну, поскольку у нас, по словам Мелльберга, похоже, никаких нераскрытых исчезновений нет, да и до моего ухода в отпуск не было, я предлагаю тебе обзвонить все близлежащие округа. Звони по кругу, начиная отсюда, а потом расширяй охват, понимаешь?

– Да, но насколько далеко мне надо отходить?

– Настолько, насколько тебе потребуется, пока не найдешь кого-нибудь подходящего. Сразу после совещания позвони еще в Уддеваллу, чтобы получить предварительное описание женщины, на которое ты сможешь опираться в поисках.

– А мне что делать? – Энтузиазм в голосе Эрнста едва ли можно было назвать заражающим.

Патрик посмотрел в заметки, которые быстро набросал после разговора с Мелльбергом.

– Я бы хотел, чтобы ты для начала поговорил с теми, кто живет вокруг входа в Королевское ущелье. На случай если они видели или слышали что-нибудь этой ночью или под утро. Днем в ущелье полно туристов, поэтому труп или трупы, если быть педантичным, должны были перевезти туда ночью или утром. Вероятно, мы можем предположить, что их привезли туда через большой вход, едва ли их несли вверх по лестнице от площади Ингрид Бергман. Малыш обнаружил женщину около шести, поэтому я бы сосредоточился на промежутке от девяти вечера до шести утра. Я сам собираюсь спуститься и немного порыться в архивах. Что-то с этими скелетами не дает мне покоя. У меня такое ощущение, будто мне следовало бы знать, что это, но... Вам ничего не приходит в голову? Ничего не припоминается?

Патрик развел руками и, вопросительно подняв брови, ждал какого-нибудь ответа, но Мартин и Эрнст лишь отрицательно покачали головами. Он вздохнул. Да, тогда остается только спускаться в катакомбы...

Не зная, попал ли он в немилость, хотя, возможно, смог бы догадаться, имея у него время на обдумывание, Патрик сидел глубоко внизу, во владениях отделения полиции Танумсхеде, и рылся в старых бумагах. На большинстве папок скопилась пыль, но они, слава богу, пребывали в хорошем состоянии. Почти все было заархивировано в хронологическом порядке, и хотя он толком не знал, что ищет, он знал, что оно здесь есть.

Он сидел, скрестив ноги, прямо на каменном полу и методично просматривал папки, ящик за ящиком. Через его руки проходили десятилетия человеческих судеб, и постепенно его стало поражать, как много людей и семей раз за разом повторяется в полицейских реестрах. «Складывается впечатление, будто преступления переходят по наследству от родителей к детям и даже к внукам», – думал он, когда вновь всплывала та же фамилия.

Зазвонил мобильный телефон, и на дисплее он увидел, что это Эрика.

– Привет, дорогая, все хорошо? – Каким будет ответ, он знал. – Да, я знаю, что жарко. Тебе надо просто сидеть возле вентилятора, больше ничего не поделаешь. Знаешь, на нас тут

навалилось убийство, и Мелльберг хочет, чтобы расследованием руководил я. Ты очень расстроишься, если я на пару дней выйду на работу?

Патрик затаил дыхание. Он знал, что следовало позвонить самому и сообщить, что ему, возможно, придется поработать, но, со свойственной мужчинам манерой уклоняться, предпочел отложить неизбежное. Хотя, с другой стороны, она прекрасно знает, каковы условия его профессии. Лето – самый горячий период у полиции Танума, им приходится чередоваться, чтобы брать краткие отпуска, и даже немногие дни, которые удастся взять подряд, не являются гарантированными – все зависит от того, с какими масштабами пьянства, драк и других побочных эффектов туризма отделению выпадет разбираться. А убийства – это вообще особая статья.

Он чуть не пропустил ее слова мимо ушей.

– Ты сказала, гости? Кто именно? Твой кузен? – Патрик вздохнул.

– Ну а как ты думаешь? Естественно, было бы приятнее провести вечер вдвоем, но раз они уже едут, значит, едут. Но они останутся только на одну ночь?

– О'кей, тогда я куплю немного креветок, чтобы их угостить. Это ведь просто, и тебе не придется заниматься готовкой. Я буду дома около семи. Целую.

Засунув телефон в карман, он продолжил перелистывать содержимое ящиков. Его внимание привлекла папка с надписью: «Пропавшие». Какой-то обстоятельный человек когда-то собрал вместе встретившиеся в полицейских расследованиях заявления о пропаже людей. Патрик почувствовал, что это-то он и ищет. Пальцы стали грязными от пыли, и, перед тем как открыть тонкую папку, он обтер их о шорты. После недолгого перелистывания и чтения он понял, что память получила необходимый толчок. Ему следовало бы сразу вспомнить это, учитывая то, как мало народу в районе действительно бесследно исчезало, но, видимо, возраст начинает брать свое. Теперь заявления в любом случае лежали перед ним, и он чувствовал, что это не может быть случайностью. В 1979 году заявили о пропаже двух женщин, которых так и не нашли. В Королевском ущелье обнаружили два скелета.

Он взял всю папку с собой наверх, на дневной свет, и положил себе на письменный стол.

Лошади были единственной причиной, по которой она оставалась там, где находится. Привычной рукой она уверенными движениями чистила каурого мерина. Физическая работа служила вентилем, дававшим выход раздражению. В семнадцать лет не иметь возможности распоряжаться собственной жизнью – это полный отстой. Как только она достигнет совершеннолетия, сейчас же вырвется из этой проклятой дыры. И примет предложение фотографа, который подошел к ней, когда она прогуливалась по Гётеборгу. Став моделью в Париже и зарабатывая кучу денег, она объяснит им, куда они могут засунуть свое проклятое образование. Фотограф сказал, что ее ценность как модели с каждым годом уменьшается, и, прежде чем у нее появится шанс, целый год жизни будет выброшен только потому, что старику втемяшилось в голову образование. Ведь для хождения по подиуму никакого образования не требуется, а потом, когда ей будет лет двадцать пять и она начнет становиться слишком старой для такой карьеры, она наверняка выйдет замуж за миллионера и сможет посмеяться над угрозой отца лишиться ее наследства. У нее будет возможность за один день тратить на покупки сумму, равную всему его состоянию.

И долбанный порядочный братец ситуации не улучшает. Конечно, жить у них с Маритой лучше, чем дома, но ненамного. Он такой, блин, замечательный. Всегда поступает правильно, а виноватой во всем автоматически оказывается она.

– Линда?

Типично: даже на конюшне ее не оставляют в покое.

– Линда? – Голос стал более требовательным. Он знает, что она здесь, поэтому пытаться улизнуть не имеет смысла.

– Да-а, вот пристал. Чего тебе надо?

– Тебе необязательно разговаривать со мной в таком тоне. Я считаю, что требую не слишком много, только чтобы ты попыталась проявлять некоторую учтивость.

Она лишь пробурчала несколько ругательств в ответ, но Якоб оставил их без внимания.

– Ты же мне брат, а не папаша, когда-нибудь думал об этом?

– Мне это прекрасно известно, да, но пока ты живешь под моей крышей, я все-таки несую за тебя определенную ответственность.

Только потому, что Якоб почти на пятнадцать лет старше, он думает, что все знает, но легко демонстрировать превосходство, когда над тобой не каплет. Папаша множество раз говорил, что Якоб – сын, которым действительно можно гордиться, и что из него получится прекрасный управляющий семейным поместьем, поэтому Линда предполагала, что он в один прекрасный день получит все целиком. До тех пор он может позволить себе притворяться, будто деньги для него не важны, но Линда видит его насквозь. Все восхищаются Якобом из-за того, что он работает с трудными подростками, но все также знают, что в свое время он унаследует и поместье, и состояние, и вот тогда будет любопытно посмотреть, насколько у него сохранится интерес к общественной работе.

Она хихикнула. Если бы Якоб узнал, что она по вечерам удирает из дома, он бы взбесился, а узнай он, с кем она встречается, ей, наверное, пришлось бы выслушать целую проповедь. Хорошо говорить о солидарности с неимущими, пока они не переступают твоего порога. Якоб взвился бы до потолка, узнай он, что она встречается с Юханом, поскольку у него имелись на то более глубоко уходящие корнями в прошлое причины. Юхан приходится им кузеном, а вражда между двумя семейными ветвями началась задолго до ее рождения, да еще до рождения Якоба. Причины она не знала, просто так сложилось, но от этого она ощущала дополнительное волнение в груди, когда кралась из дома, чтобы встретиться с Юханом. Кроме того, общаться с ним ей нравилось. Он, правда, довольно застенчивый, но все-таки на десять лет старше и потому обладает уверенностью, о которой парни ее возраста могут только мечтать. Их родство ее не волновало. В настоящее время с кузеном можно даже вступать в брак, и хотя в ее планы на будущее это не входило, она ничего не имела против того, чтобы все с ним испробовать, лишь бы это происходило втайне.

– Ты что-нибудь хотел или просто собирался за мной последить?

Якоб глубоко вздохнул и положил руку ей на плечо. Линда попыталась отпрянуть, но он держал ее крепко.

– Я никак не пойму, откуда берется вся эта агрессия. Ребята, с которыми я работаю, все бы отдали, чтобы иметь дом и такие условия, как у тебя. Знаешь, немного благодарности и зрелости тебе не помешало бы. И да, кое-что я хотел. У Мариты готова еда, так что изволь быстренько переодеться и приходи есть вместе с нами.

Он отпустил ее плечо и, выйдя из конюшни, направился к дому. Линда, ворча, отложила щетку и пошла приводить себя в порядок. Есть все-таки хотелось.

Сердце Мартина было опять разбито. В который раз по счету, он не знал, но оттого, что он уже привык, болело оно не меньше. Как и во все прошлые разы, он думал, что на этот раз голову рядом с ним на подушку опускает его суженая. Конечно, он прекрасно знал, что она несвободна, но по своей обычной наивности полагал, что он больше чем развлечение и что дни ее партнера сочтены. Он слабо представлял себе, что своим невинным взглядом и чуть ли не хорошенькой внешностью, точно кусок сахара муху, притягивал женщин постарше, твердо сто-

ящих на ногах и живущих со своими мужьями в привычной обыденности. Они вовсе не собирались оставлять мужей ради приятного двадцатипятилетнего полицейского, с которым зато были не прочь покувыркаться в постели, когда желание и потребность самоутверждения нуждались в удовлетворении. Проблема заключалась не в том, что Мартин имел что-нибудь против физической стороны отношений, он даже обладал особым талантом в этой области, но был при этом на редкость чувствительным молодым человеком. Влюбленности просто-напросто находили в Мартине Мелине благодатную почву. Поэтому для него эти маленькие истории всегда заканчивались плачем и скрежетом зубным, когда женщины отказывались от продолжения и уходили домой к своей, возможно, скучной, но устоявшейся и хорошо знакомой жизни.

Сидя за письменным столом, он глубоко вздохнул, но заставил себя сосредоточиться на поставленной ему задаче. Предыдущие звонки ничего не дали, но ему предстояло обзвонить еще много полицейских округов. Ему, как всегда, не повезло: компьютерная база, конечно, полетела именно тогда, когда он нуждался в ней больше всего, и поэтому приходилось набирать номер за номером, чтобы попытаться найти кого-нибудь, подходящего под описание убитой женщины.

Двумя часами позже он откинулся на спинку кресла и от разочарования запустил карандашом в стену. Никто из объявленных в розыск их жертве не соответствовал. Что же им делать дальше?

Какая чертовская несправедливость! Он старше этого сопливого щенка, и руководство расследованием должны были поручить ему, но мир всегда платит черной неблагодарностью. Ведь он несколько лет целенаправленно лебезил перед этим проклятым Мелльбергом и ничего на этом не выгадал. На пути во Фьельбаку Эрнст преодолевал повороты на высокой скорости, и не сиди он в полицейской машине, наверняка неоднократно увидел бы в зеркало заднего вида поднятые к виску указательные пальцы. А так, пусть только посмеют, чертовы туристы, он им покажет где раки зимуют.

Опрашивать соседей. Это задание для стажера, а не для человека с двадцатипятилетним профессиональным опытом. Этим следовало бы озадачить сопляка Мартина, тогда он, Эрнст, мог бы позвонить по телефонам и немного поболтать с коллегами из близлежащих округов.

У него внутри все кипело, но это было его естественным состоянием с младых ногтей, так что за рамки обычной ситуация не выходила. Холерический темперамент делал его не слишком подходящим для профессии, предполагавшей так много социального общения, но, с другой стороны, он пользовался уважением у хулиганов, инстинктивно чувствовавших, что Эрнст Лундгрэн не из тех, с кем следует ссориться, если дорожишь своим здоровьем.

Когда он проезжал через поселок, повсюду вытягивались шеи. Его провожали взглядом, на него показывали пальцами, и он понял, что новость уже облетела всю Фьельбаку. Через площадь Ингрид Бергман ему пришлось ехать очень медленно из-за множества незаконно припаркованных машин, и он с удовлетворением заметил, что в результате несколько человек поспешно покинули уличное кафе. Так-то лучше. Если когда он поедет через площадь в обратную сторону, машины еще будут стоять, он вовсе не против того, чтобы потратить немного времени и нарушить отпускное спокойствие проштрафившихся. Возможно, дать им подуть в трубочку. Несколько водителей потягивали холодное пиво, когда увидели, что он проезжает мимо. Если повезет, ему, наверное, удастся отобрать кое у кого права.

На маленьком кусочке улицы перед Королевским ущельем припарковаться было непросто, но Эрнст сумел втиснуться и начал операцию «Опрос соседей». Как и ожидалось, никто ничего не видел. Люди, обычно замечающие, если сосед всего лишь громко пукнул у себя дома, сразу становятся слепы и глухи, когда полиции требуется что-нибудь узнать. Впрочем – Эрнст

был вынужден это признать – они, вполне возможно, действительно ничего не слышали. Летом ночью так много шума от возвращающихся домой под утро пьяных, что народ научился отгораживаться от звуков на улице, чтобы иметь возможность спокойно спать. Но это чертовски раздражало.

Только в последнем доме ему повезло. Улов, правда, оказался небольшим, но хоть что-то. Старик в самом дальнем от устья ущелья доме слышал, как около трех часов, когда он вставал по малой нужде, проезжала машина. Он сумел даже уточнить время до без четверти трех, но выглядывать на улицу он не стал и поэтому ничего не мог сообщить о том, как выглядели водитель или машина. Однако он оказался старым учителем автошколы, в свое время поездившим на разных машинах, и мог с уверенностью сказать, что эта машина была не из новых моделей – ей, скорее всего, уже несколько лет.

Замечательно, за два часа обхода соседей ему удалось узнать только, что убийца, по всей вероятности, привез сюда труп около трех часов, а также что он, возможно, приезжал на машине старой модели. Радоваться особенно нечему.

Однако настроение на пару градусов поднялось, когда он, проезжая площадь на обратном пути, приметил новых нарушителей правил парковки, занявших места прежних. Сейчас здесь задуют в трубочки так, что легкие загудят.

Настойчивый звонок в дверь прервал работу Эрики, с трудом ходившей по комнатам с пылесосом. Она буквально обливалась потом и, прежде чем открыть дверь, смахнула с лица несколько мокрых прядей волос. Чтобы оказаться здесь уже сейчас, они, должно быть, мчались, как угонщики.

– Привет, толстушка!

Ее заключили в крепкие медвежьи объятия, и она почувствовала, что дико потеет не одна. Будучи прижатой носом к подмышке Конни, Эрика поняла, что по сравнению с ним сама, вероятно, пахнет, как розы.

Выбравшись из объятий, она поздоровалась с женой Конни Бриттой, правда, только вежливо пожала той руку, поскольку они встречались всего в нескольких единичных случаях. Рукопожатие Бритты было влажным, слабым и вызывало ощущение, что держишь в рукедохлую рыбу. Эрика содрогнулась и подавила импульс вытереть руку о брюки.

– Ну и живот! У тебя там что, близнецы?

Эрика ненавидела, когда так комментировали ее громоздкое тело, но уже давно начала понимать, что беременность – это состояние, позволяющее всем желающим обсуждать твои телесные контуры и фамильярным образом братья руками за твой живот. Случалось даже, что незнакомые люди подходили и принимались попросту трогать ее живот. Эрика прямо ждала, что сейчас начнется обязательное ощупывание, и буквально через несколько секунд руки Конни уже оказались на месте и водили по животу.

– О, какой у вас там маленький футболист. Точно парень, раз так лягается. Подойдите, ребята, пощупайте!

Эрика была не в силах протестовать, и ее атаковали две пары липких от мороженого рук, оставляя отпечатки на ее белой блузке для беременных. К счастью, Лиса и Виктор, шести и восьми лет, быстро потеряли интерес.

– А что говорит гордый отец? Наверное, считает дни? – Ответа Конни не ждал, и Эрика припомнила, что ведение диалога не является его сильной стороной. – Да, черт возьми, вспоминается, как эти маленькие сопляки появились на свет. Крутое впечатление. Только скажи ему, чтобы не заглядывал туда, вниз. А то надолго утрачиваешь желание.

Он захохотал и толкнул Бритту в бок локтем. Та лишь бросила на него недовольный взгляд. Эрика поняла, что день будет длинным. Только бы Патрик приехал домой вовремя.

Патрик тихонько постучал в дверь Мартина. Он слегка завидовал царившему в его кабинете порядку. Письменный стол так сверкал чистотой, что его можно было бы использовать для операций.

– Как дела? Ты что-нибудь нашел?

Поникий вид Мартина сказал ему все еще до того, как тот отрицательно покачал головой. Вот, черт. Для расследования сейчас важнее всего установить личность женщины. Кто-то же, черт возьми, должен ее хватиться!

– А ты? – Мартин кивнул в сторону папки в руках у Патрика. – Ты нашел то, что искал?

– Думаю, да.

Патрик пододвинул стоявший возле стены стул, чтобы сесть рядом с Мартином.

– Смотри. В конце семидесятых пропали две женщины из Фьельбаки. Не понимаю, как я не вспомнил об этом сразу, в то время эта новость сообщалась на первых полосах, но здесь, во всяком случае, сохранившиеся материалы расследования.

Папка, которую он положил на стол, была здорово пыльной, и он видел, что у Мартина прямо руки чешутся ее обтереть. Предостерегающий взгляд заставил его воздержаться. Патрик открыл папку и показал лежавшие сверху фотографии.

– Это Сив Лантин, она пропала в день праздника середины лета, в семьдесят девятом году. Ей было девятнадцать лет. – Патрик вытащил следующую фотографию. – Это Мона Тернблад, пропала двумя неделями позже, ей тогда было восемнадцать. Ни ту ни другую так и не нашли, несмотря на привлечение колоссальных сил, прочесывание леса, обследование дна и всего, что ты можешь вообразить. Велосипед Сив нашли в канаве, но больше ничего. От Моны не смогли найти никаких следов, кроме одной кроссовки.

– Да, сейчас, когда ты говоришь, я тоже припоминаю это. Там вроде имелся подозреваемый?

Патрик перелистал пожелтевшие бумаги расследования и указал пальцем на напечатанное на машинке имя:

– Юханнес Хульт. Не кто иной, как его брат, Габриэль Хульт, позвонил в полицию и сообщил, что в ту ночь, когда Сив Лантин исчезла, видел, как брат ехал вместе с ней в сторону своей усадьбы в Брекке.

– Насколько серьезно отнеслись к его наводке? Я имею в виду, что, если человек называет брата подозреваемым в убийстве, за этим, вероятно, кроется нечто другое?

– Вражда в роду Хультов продолжалась много лет, и все о ней знали. Поэтому, думаю, к сведениям отнеслись с некоторым скепсисом, но проводить следственные мероприятия все-таки пришлось, так что Юханнеса несколько раз вызывали на допросы. Однако никаких доказательств, кроме заявления брата, не обнаружилось, и получилось слово против слова, поэтому его отпустили.

– Где он сейчас?

– Точно не знаю, но мне кажется, что Юханнес Хульт вскоре после того покончил с собой. Черт, нам бы сюда Аннику, она смогла бы дать нам более полную картину, причем с ходу. Материал в папке, мягко говоря, скудный.

– Похоже, ты довольно-таки уверен в том, что найденные нами скелеты – это и есть те самые женщины.

– Ну, в какой-то степени. Я просто исхожу из степени правдоподобности. У нас есть две женщины, пропавшие в семидесятых годах, и сейчас всплывают два скелета, похоже, не слиш-

ком свежие. Каков шанс, что это совпадение? Хотя об уверенности я пока говорить не могу, она у нас будет, только когда свое слово скажет судмедэксперт. Но я собираюсь проследить, чтобы он как можно скорее получил доступ к этим сведениям.

Патрик бросил взгляд на часы:

– Черт, мне лучше поторопиться. Я обещал сегодня прийти домой пораньше. К нам в гости приехал кузен Эрики, и я должен прикупить на вечер креветок и всякого такого. Ты можешь проследить за тем, чтобы патологоанатом получил эту информацию? И обсуди с Эрнстом, когда он появится, в случае если он узнал что-нибудь ценное.

Когда он вышел за пределы здания полиции, жара навалилась на него стеной, и Патрик быстрым шагом устремился к машине, чтобы поскорее попасть в среду с кондиционером. Если эта жара добивает его, то он представлял себе, как она воздействует на бедную любимую Эрику.

Очень неудачно, что гости приехали именно сейчас, но он понимал, что ей было трудно им отказать. Впрочем, поскольку семейство Флуд должно уехать на следующий день, пропадет только один вечер. Включив холод на максимум, он двинулся в сторону Фьельбаки.

– Ты поговорил с Линдой?

Лайне принялась нервно заламывать руки. Этот жест он научился ненавидеть.

– Разговаривать особенно не о чем. Ей просто придется поступить как велено.

Габриэль даже не поднял взгляда, а продолжал спокойно заниматься своими делами. Его тон явно демонстрировал желание от нее отделаться, но Лайне так легко не сдалась. Габриэль много лет мечтал о том, чтобы жена предпочитала чаще молчать, чем говорить. Это сотворило бы с ее личностью чудо.

Сам Габриэль Хульт был аудитором до мозга костей. Он очень любил сводить дебет с кредитом и получать в конечном счете баланс и всем сердцем ненавидел все, что имело отношение к чувствам и не поддавалось логике. Его принципом была аккуратность, и, несмотря на летнюю жару, он ходил в рубашке и костюме, правда, из более тонкой ткани, но ничуть не менее строгим. Его темные волосы с годами поредели, но он зачесывал их назад, не предпринимая никаких попыток скрывать лысину на макушке. Общую картину довершали круглые очки, которые он неизменно держал на кончике носа, что позволяло снисходительно смотреть поверх них на того, с кем он разговаривал. «Порядок есть порядок» – было его девизом, и ему хотелось, чтобы люди в его окружении тоже его придерживались. Вместо этого они, казалось, посвящали все свои силы и энергию тому, чтобы нарушить идеальный баланс и усложнить ему жизнь. Все было бы гораздо проще, если бы они просто делали, как он говорит, а не выдумывали самостоятельно массу глупостей.

В настоящий момент больше всего беспокойства в его жизнь приносила Линда. Якоб в подростковом возрасте столько проблем не доставлял! В представлении Габриэля девочки были более спокойными и уступчивыми, чем мальчики. А им досталась не девочка-подросток, а монстр, говорившая «да», когда они говорили «нет», и вообще изо всех сил старавшаяся в кратчайшие сроки испортить себе жизнь. К ее глупой затее стать моделью он всерьез не относился. Конечно, девочка красива, но она, к сожалению, унаследовала мозги матери и даже часа не выдержит в жестоком мире моделей.

– Мы уже это обсуждали, Лайне, и я своей позиции не изменил. Даже речи быть не может о том, чтобы разрешить Линде поехать сниматься у какого-то сомнительного фотографа, который просто хочет заполучить ее голой. Линда должна учиться, двух мнений тут быть не может.

– Да, но через год ей исполнится восемнадцать, и тогда она все равно сделает по-своему. Не лучше ли нам поддержать ее сейчас, чем рисковать, что через год она исчезнет от нас навсегда?

– Линда знает, откуда она получает деньги, поэтому я очень удивлюсь, если она куда-нибудь исчезнет, не обеспечив себе дальнейшее постоянное содержание. А если она продолжит учебу, то получит его. Я пообещал давать ей деньги каждый месяц, если она будет учиться дальше, и намерен сдержать слово. А теперь я больше не хочу ничего об этом слышать.

Лайне продолжила заламывать руки, но знала, когда она побеждена, и с опущенными плечами вышла из его кабинета. Она осторожно закрыла за собой раздвижные двери, и Габриэль вздохнул с облегчением. Это нытье действовало ему на нервы. После всех совместно прожитых лет ей следовало бы знать, что он не из тех, кто меняет решение, если уже принял его.

Получив возможность продолжить писать в лежавшей перед ним книге, он вновь обрел спокойствие. Современные компьютерные программы для отчетов так и не пришлись ему по душе, поскольку ему нравилось ощущение, что перед ним находится большой реестр с аккуратно вписанными рядами цифр, которые на каждой странице суммировались. Закончив, он удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Этот мир он держит под контролем.

На мгновение Патрик задумался, не ошибся ли он адресом. Это не мог быть его спокойный, тихий дом, покинутый утром. Уровень звука превышал разрешенный на большинстве рабочих мест, а дом выглядел так, будто в него кинули гранату. Повсюду лежали незнакомые вещи, а те вещи, которым надлежало находиться на определенных местах, куда-то переместились. Судя по выражению лица Эрики, ему следовало придти еще час или два назад.

Он с удивлением насчитал только двоих детей и двоих дополнительных взрослых и заинтересовался, как же им удается звучать как целый детский сад. В телевизоре был на полную громкость включен канал «Дисней», и маленький мальчик гонялся с игрушечным пистолетом за еще более мелкой девочкой. Родители обоих отпрысков преспокойно сидели на веранде, и здоровенный, как медведь, мужчина радостно помахал Патрику рукой, однако, не позаботился о том, чтобы встать с дивана и тем самым оторваться от блюда с пирожными.

Патрик прошел к Эрике на кухню, и она буквально рухнула ему в объятия.

– Дорогой, забери меня отсюда. Наверное, я в прежней жизни ужасно согрешила, раз подверглась такому. Дети – просто маленькие дьяволята в человеческом обличье, а Конни – это Конни. Его жена не произнесла почти ни звука и выглядит такой надутый, что молоко киснет. Господи, только бы они поскорее уехали.

Он утешающе погладил ее по спине и почувствовал, что блузка насквозь промокла от пота.

– Пойди и спокойно прими душ, а я пока возьму гостей на себя.

– Спасибо, ты ангел. У меня готов новый кофейник кофе. Они уже пьют по третьей чашке, но Конни уже начал намекать, что хотел бы чего-нибудь покрепче, так что посмотри, чем мы можем их угостить.

– Я разберусь, иди, дорогая, пока я не передумал.

Он получил благодарный поцелуй, после чего Эрика, покачиваясь, с трудом двинулась вверх по лестнице в сторону душа.

– Я хочу мороженого.

Прокравшийся за спину Патрику Виктор стоял, нацелив на него пистолет.

– К сожалению, мороженого у нас дома нет.

– Тогда тебе надо пойти и купить его.

Нахальный вид мальчишки очень разозлил Патрика, но он попытался говорить максимально дружелюбно и мягко:

– Нет, никуда идти я не собираюсь. На столе есть пирожные, и вы можете угощаться.

– Я хочу мороженого!!! – завопил мальчик, подпрыгивая. Его лицо густо покраснело.

- Я же сказал, что у нас нет мороженого! – Терпение Патрика начало иссякать.
- МОРОЖЕНОГО, МОРОЖЕНОГО, МОРОЖЕНОГО!..

Поначалу Виктор не сдавался, но по глазам Патрика, вероятно, было видно, что предел достигнут, поскольку мальчик умолк и медленно попятился из кухни. Он с плачем побежал к родителям, которые сидели на веранде и игнорировали стычку на кухне.

- ПА-ПА, дядя злой! Я хочу МОРОЖЕНОГО!

Притворяясь, будто ничего не слышит, Патрик вышел с кофейником в руках, чтобы поздороваться с гостями. Конни встал и протянул ему руку, а потом Патрику тоже довелось ощутить прикосновение холодной «рыбьей» руки, когда он здоровался с Бриттой.

– Виктор сейчас пребывает в фазе, когда он проверяет пределы собственной воли. Мы не хотим сдерживать его личностного развития, поэтому позволяем самому выяснять, где проходит грань между его желаниями и желаниями окружающих.

Бритта с нежностью посмотрела на сына, и Патрику вспомнилось, что Эрика рассказывала, что она психолог. Если ее идея воспитания детей заключается в этом, то маленькому Виктору, когда он вырастет, придется тесно общаться с представителями этой профессии. Конни, казалось, не обратил особого внимания на происходящее и заставил сына замолчать, просто сунув тому в рот основательный кусок пирожного. Судя по габаритам ребенка, это был регулярно применяемый метод. Однако Патрику пришлось признать, что метод эффективен и привлекателен своей простотой.

Когда Эрика, приняв душ и обрета гораздо более бодрое выражение лица, спустилась вниз, Патрик уже поставил на стол креветки со всеми необходимыми добавлениями. Он также успел принести по пище детям, чутко поняв, что другого способа избежать катастрофы прямо перед ужином не существует.

Все расселись, и Эрика как раз собиралась открыть рот, чтобы произнести: «Угощайтесь», когда Конни запустил обе руки в миску с креветками. Одна, две, три большие пригоршни креветок переместились на его тарелку, и в миске осталось меньше половины первоначального количества.

– М-м, вкуснота. Перед вами человек, знающий толк в креветках. – Конни с гордостью похлопал себя по животу и принялся за свою гору креветок.

Патрик, который сразу выложил два купленных им чертовски дорогих килограмма, лишь вздохнул и взял маленькую пригоршню, почти не занявшую места у него на тарелке. Эрика молча поступила так же и передала миску Бритте, которая мрачно высыпала себе остатки.

После неудачного ужина они постелили гостям в гостевой комнате и рано извинились под предлогом того, что Эрика нуждается в отдыхе. Показав Конни, где находится виски, Патрик с облегчением поднялся по лестнице в тишину и покой второго этажа.

Когда они наконец улеглись в постель, Патрик рассказал, чем занимался в течение дня. Он давно бросил попытки утаивать от Эрики свои полицейские дела, правда, знал, что она никому не передает его слов. Дойдя до эпизода с двумя пропавшими женщинами, он увидел, что она наострила уши.

- Я помню, что читала об этом. Значит, вы думаете, что нашли именно их?

– Я почти уверен. Иначе выходит слишком большое совпадение. Но всерьез расследовать это мы сможем, только получив отчет судмедэксперта, а пока надо рассматривать все возможные версии.

- А тебе не нужна помощь в поисках материала по истории вопроса?

Она оживленно повернулась к нему, и ее глаза загорелись знакомым огнем.

– Нет, нет и нет. Ты должна вести спокойную жизнь. Не забывай, что ты вообще-то на больничном.

– Да, но последняя проверка показала, что давление опять в норме. Я сойду с ума, если буду сидеть дома без дела. Я ведь даже не смогла начать новую книгу.

Книга об Александре Викнер и ее трагической гибели побила рекорды продаж, в результате чего с Эрикой подписали договор на еще одну книгу о реальном убийстве. Книга потребовала от нее колоссальных затрат, как временных, так и эмоциональных, и, отправив ее в мае в издательство, Эрика оказалась не в силах начинать какой-нибудь новый проект. Решающую роль сыграли слишком высокое давление и больничный лист, поэтому она нехотя полностью отложила работу над новой книгой на время после появления ребенка. Однако сидеть дома сложа руки ее не устраивало.

– Ведь Анника в отпуске и не может этим заняться. А собирать материал не так легко, как может показаться. Надо знать, где искать, а я знаю. Я же могу просто немножко посмотреть...

– Нет, и речи быть не может. Будем надеяться, что Конни со своими безумными родичами уедет завтра рано, и после этого ты должна только отдыхать, и точка! А сейчас помолчи, потому что я должен немного поговорить с малышом. Нам надо составить план его футбольной карьеры...

– Или ее.

– Или ее. Хотя тогда, наверное, будет гольф. В женском футболе денег пока еще нет. Эрика лишь вздохнула, но послушно улеглась на спину, чтобы облегчить общение.

– А они не замечают, что ты удираешь на улицу?

Юхан, лежа на боку рядом с Линдой, щекотал ей лицо соломинкой.

– Нет, Якоб, видишь ли, мне доверяет. – Она сильно наморщила лоб, передразнивая серьезный тон брата. – Это он вынес с посещения многочисленных курсов по установлению хорошего контакта с молодежью. Самое ужасное, что ребята, кажется, тоже туда ходили, потому что некоторые из них прямо обожают Якоба. Хотя если ты вырос без отца, то, наверное, принимаешь что угодно. – Линда с раздражением оттолкнула соломинку, которой ее дразнил Юхан. – Прекрати.

– Что, уж и пошутить нельзя?

Увидев, что он обиделся, она наклонилась вперед и в качестве утешения поцеловала его. Сегодня плохой день. Утром начались месячные, значит, неделю она не сможет заниматься с Юханом любовью, и потом, необходимость жить с идеальным братом и его не менее идеальной женой действует ей на нервы.

– О, только бы годы шли побыстрее, чтобы я смогла вырваться из этой проклятой дыры!

Им приходилось шептаться, чтобы не выдать своего укрытия на сеновале, но, желая придать словам веса, она ударила рукой по доскам.

– Значит, ты мечтаешь вырваться от меня тоже?

Лицо Юхана приняло еще более обиженное выражение, и она прикусила язык. Если она вырвется на мировые просторы, она даже не взглянет на такого, как Юхан, но, пока она торчит дома, в качестве развлечения он вполне годится. Правда, ему об этом знать незачем. Поэтому она, свернувшись клубочком, как ласковый котенок, подползла вплотную к нему. Никакого отклика не последовало, тогда она взяла его руку и положила поверх своего тела. Его пальцы, словно по собственному желанию, принялись перемещаться по ней, и она мысленно улыбнулась. Мужчинами так легко манипулировать.

– Ты ведь можешь поехать со мной?

Говоря это, она сознавала, что он никогда не сможет оторваться от Фьельбаки или, пожалуй прежде всего от брата. Иногда ее интересовало, может ли он пойти хотя бы в туалет, не спросив разрешения у Роберта.

– А ты с отцом разговаривала? – уклонившись от ответа, спросил Юхан. – Что он говорит по поводу того, что ты собираешься свалить?

– А что ему говорить? Еще год он вправе решать за меня, но как только мне исполнится восемнадцать, он больше ни фиги не сможет мне сказать. И это доводит его до бешенства. Иногда мне кажется, что ему хотелось бы занести нас в свои проклятые бухгалтерские книги. Якоб – дебет, Линда – кредит.

– Что еще за дебет?

– Это экономические термины, тебе они ни к чему, – засмеялась в ответ Линда.

– Меня интересует, как было бы, если б я... – Юхан, покусывая соломинку, устремил невидящий взгляд куда-то позади нее.

– Как было бы, если что?

– Если бы отец не лишился всех денег. Тогда, видимо, в господском доме жили бы мы, а вы с дядей Габриэлем и тетей Лайне сидели бы в нашей лачуге.

– Да уж, вот была бы картина. Мать в лачуге. Бедная как церковная мышь.

Линда закинула голову назад и расхохоталась от всей души, поэтому Юхану пришлось на нее зашикать, чтобы не донеслось до дома Якоба и Мариты, до которого от амбара было рукой подать.

– Тогда отец, возможно, был бы еще жив. И мать не сидела бы целыми днями со своими проклятыми альбомами.

– Но он ведь не из-за денег...

– Тебе это неизвестно. Откуда тебе, черт возьми, знать, почему он так поступил! – Его голос поднялся на октаву и стал пронзительным.

– Это же всем известно.

Оборот, который принял разговор, Линде не нравился, и она не решалась посмотреть Юхану в глаза. Семейная вражда и все с ней связанное были до сих пор, по молчаливому соглашению, запретной темой.

– Все думают, будто знают, хотя на самом деле не знают ни хрена. И чертовски обидно, что в нашей усадьбе живет твой братец.

– Якоб же не виноват, что так получилось. – Казалось странным защищать брата, которого она чаще всего осыпала ругательствами, но все-таки в ней заговорила родная кровь. – Он получил усадьбу от деда, и к тому же он всегда первым защищает Юханнеса.

Юхан знал, что она права, и злость отпустила. Просто ему иногда становилось чертовски больно, когда Линда говорила о своей семье, тем самым напоминая ему, чего лишился он сам. Сказать ей об этом он не решался, но часто считал, что она проявляет неблагодарность. У нее и ее семьи есть все, у его семьи – ничего. Где же тут справедливость?

Вместе с тем он все прощал ей. Юхан никогда еще никого так горячо не любил, и один лишь вид ее стройного тела рядом вызывал в нем огонь. Иногда он не мог поверить, что это правда. Что такой ангел хочет тратить на него время. Однако ему хватало ума не терять энергию на сомнения в отношении своей удачи, поэтому он старался закрывать глаза на будущее и наслаждаться нынешней ситуацией. Юхан притянул ее поближе к себе и, вдыхая аромат ее волос, прикрыл глаза. Он расстегнул верхнюю пуговицу ее джинсов, но Линда остановила его:

– Не надо, у меня месячные. Давай лучше я.

Она расстегнула ему брюки, и он лег на спину. Под опущенными веками перед ним замерцало небо.

Прошел всего один день с тех пор, как они нашли труп женщины, а Патрика уже мучило нетерпение. Ведь где-то находится человек, который интересуется, где она. Размышляет, волнуется, устремляет мысли во все более страшном направлении. Ужасно, что в этом случае даже самые худшие опасения оправданны. Больше всего Патрику хотелось узнать, кто эта женщина,

чтобы оповестить тех, кто ее любит. Все лучше, чем неизвестность, даже смерть. Психологическая переработка скорби не может начаться раньше, чем знаешь, что оплакиваешь. Приносить такое известие будет нелегко, но Патрик уже мысленно взял ответственность на себя, сознавая, что это важная часть его работы. Облегчать и поддерживать. Но прежде всего узнать, что произошло с тем, кого они любили.

Безрезультатность звонков Мартина накануне сразу во много раз усложнила работу по идентификации. В ближайших округах о пропаже женщины не заявляли, а значит, искать предстояло по всей Швеции, возможно, даже за ее пределами. На мгновение задача показалась невыполнимой, но Патрик быстро отбросил эту мысль. В настоящий момент интересы неизвестной женщины представляют только они.

В дверь деликатно постучал Мартин.

– Как ты хочешь, чтобы я действовал дальше? Расширял круг поиска, или начал с районов крупных городов, или?.. – Он вопросительно поднял брови и плечи.

Патрик сразу почувствовал тяжесть ответственности за расследование. Ничто, собственно, ни на одно из направлений не указывает, но ведь с чего-то начинать нужно.

– Проверь районы крупных городов. С Гётеборгом мы уже разобрались, так что для начала возьми Стокгольм и Мальмё. Мы, вероятно, скоро получим первый отчет от судмедэкспертов, и, если повезет, они, возможно, сообщат нам что-нибудь полезное.

– О'кей. – Ударив по пути ладонью по двери, Мартин вышел, чтобы направиться к себе в кабинет. Пронзительный звонок из приемной заставил его развернуться и пойти впускать посетителя. Обычно этим занималась Анника, но в ее отсутствие им приходилось обходиться собственными силами.

Девушка выглядела взволнованной. Худенькая, с двумя длинными светлыми косами и огромным рюкзаком на спине.

– I want to speak to someone in charge³.

Она говорила по-английски с сильным акцентом, и Мартин предположил, что с немецким. Открыв дверь, он показал ей рукой заходить. Затем прокричал в глубь коридора: «Патрик, к тебе пришли!»

Он с опозданием подумал, что, наверное, следовало сперва узнать, какое у нее дело, но Патрик уже высунул голову из кабинета, и девушка направилась в его сторону.

– Are you the man in charge?⁴

На секунду у Патрика возник соблазн отправить ее к Мелльбергу, который чисто технически являлся главным начальником, но, увидев ее растерянное выражение лица, решил избавить ее от такого переживания. Послать хорошенькую девушку к Мелльбергу – это все равно что послать овцу на бойню, и его природный инстинкт защитника взял верх.

– Yes, how can I help you?⁵

Он жестом показал ей заходить и садиться на стул перед письменным столом. Она с удивительной легкостью сняла огромный рюкзак и осторожно прислонила его к стене возле двери.

– My English is very bad. You speak German?⁶

Патрик прикинул свои школьные познания в немецком. Ответ целиком зависит от того, что она понимает под «говорить по-немецки». Он мог заказать пиво и попросить счет, но подозревал, что она находится здесь не в качестве официантки.

– Немножко говорю, – с трудом ответил он на ее родном языке и повертел рукой, показывая, что «так себе».

---

³ Я хочу поговорить с кем-нибудь из начальников (англ.).

⁴ Вы начальник? (англ.)

⁵ Да, чем я могу вам помочь? (англ.)

⁶ Я очень плохо говорю по-английски. Вы говорите по-немецки? (англ.)

Девушка, похоже, вполне удовлетворилась и заговорила медленно и четко, давая ему шанс понять ее. К своему удивлению, Патрик заметил, что знает больше, чем думал, и хотя каждое слово он не понимал, но общий смысл улавливал.

Она представилась как Лиза Форстер. Судя по всему, она приходила неделю назад и заявила об исчезновении своей подруги Тани. Она разговаривала здесь, в отделении, с полицейским, который пообещал связаться с ней, когда что-нибудь узнает. Прошла уже целая неделя, а ей так ничего и не сообщили. На ее лице было крупными буквами написано беспокойство, и Патрик отнесся к ее рассказу серьезно.

Таня и Лиза встретились в поезде, по пути в Швецию. Они обе были из Северной Германии, но раньше друг друга не знали. У них незамедлительно установился душевный контакт, Лиза сказала, что они стали словно сестры. У Лизы определенных планов на путешествие по Швеции не было, и поэтому Таня предложила ей поехать вместе с ней в маленький поселок на западном побережье Швеции под названием Фьельбака.

– Почему именно во Фьельбаку? – путаясь в немецкой грамматике, спросил Патрик.

Ответ получился расплывчатым. Как раз эту тему Таня с ней особенно открыто не обсуждала, и Лиза призналась, что толком не знает. Таня рассказала только, что у нее там есть дело. Она сказала, что, разобравшись с ним, они смогут продолжить поездку по Швеции, но сначала ей необходимо кое-что поискать. Тема казалась деликатной, и Лиза дальше расспрашивать не стала. Она просто обрадовалась обретению попутчицы и с удовольствием отправилась с ней, независимо от того, по какой причине Таня туда ехала.

Они прожили три дня в кемпинге в местечке Сельвик, а потом Таня пропала. Она ушла утром, сказав, что у нее днем есть дело и что она вернется ближе к вечеру. Когда настала вторая половина дня, потом вечер и ночь, беспокойство Лизы нарастало по мере движения часовой стрелки. На следующее утро она в турбюро на площади Ингрид Бергман узнала, где находится ближайшее отделение полиции. Заявление у нее приняли, и теперь ее интересовало, что произошло.

Патрик был озадачен. Насколько ему известно, никаких заявлений о пропаже людей они не получали, и сейчас он почувствовал, как в районе желудка собирается ком. Ответ на вопрос о приметах Тани укрепил его опасения. Все рассказанное Лизой о подруге совпадало с убитой женщиной из Королевского ущелья, и когда он с тяжелым сердцем показал фотографию покойной, всхлипывания Лизы подтвердили его предчувствия. Мартин может перестать звонить, и кого-то придется призвать к ответу за то, что заявлению о пропаже Тани не дали должного хода. Они понапрасну потеряли много драгоценных часов, и Патрик не питал особых сомнений относительно того, где ему следует искать виновного.

Эрика проснулась, когда Патрик уже уехал на работу. Спала она в этот раз на удивление крепко, и ей ничего не снилось. Она посмотрела на часы. Они показывали девять, а с нижнего этажа не доносилось ни звука.

Немногим позже кофейник был уже поставлен, и Эрика начала накрывать завтрак для себя и гостей. Те ввалились на кухню один за другим, один заспаннее другого, но, принявшись за завтрак, они быстро взбодрились.

– Дальше вы собирались в Костер?

Вопрос Эрика задала из вежливости и в надежде от них избавиться.

– Ну, мы с Бриттой вчера вечером это обсудили и подумали, что раз уж мы все равно тут и погода такая хорошая, то мы, пожалуй, съездим днем на какой-нибудь из здешних островов, – быстро переглянувшись с женой, сказал Конни. – У вас ведь есть катер?

– Да, конечно, есть... – нехотя призналась Эрика. – Правда, я не совсем уверена, что Патрик хотел бы его одалживать. Принимая во внимание страховку и все такое... – поспешно скомкала ответ Эрика. От мысли, что они останутся хотя бы на несколько часов дольше условленного, у нее от раздражения стали подкашиваться ноги.

– Да, но мы подумали, что, возможно, ты смогла бы отвезти нас в какое-нибудь хорошее место, а когда мы захотим обратно домой, мы тебе позвоним.

Подходящих слов она сразу не нашла, и Конни воспринял это как молчаливое согласие. Эрика молила высшие силы о терпении и уговаривала себя, что не стоит ссориться с родственниками только ради того, чтобы избавиться от их общества на несколько часов раньше. К тому же она избавится от общения с ними в течение дня, и можно надеяться, что они потом уедут еще до прихода Патрика с работы. Она уже решила, что приготовит что-нибудь особенное, и у них будет душевный вечер. Ведь он все-таки в отпуске. И кто знает, сколько времени они смогут уделять друг другу после рождения ребенка – лучше пользоваться случаем.

Когда все семейство Флуд после долгих препирательств собрало купальные принадлежности, они отправились к пристани. Катер – маленькая синяя деревянная лодочка – был низким, заходить в него с берега было трудно, и Эрике потребовалась изрядно помучиться с такой огромной телесной массой. Прокружив час в поисках для гостей «пустынной скалы или лучше пляжа», она наконец нашла маленькую бухту, которую остальные туристы каким-то чудом упустили, и потом двинулась к дому. Выбраться на берег самостоятельно оказалось невозможно, поэтому пришлось жалобно попросить о помощи нескольких проходивших мимо купальщиков.

Потная, разгоряченная и злая, она ехала домой, но перед самым зданием парусного клуба передумала и вместо того, чтобы поехать прямо в сторону Сельвика, быстро повернула налево. Обогнув гору справа, она миновала стадион и жилой комплекс «Куллен» и припарковалась перед библиотекой. Если целый день просидеть дома без дела, можно окончательно сойти с ума. Пусть Патрик потом ругается, но помощь со сбором материала он получит, хочет он того или нет!

Приехав в отделение полиции, Эрнст нетвердым шагом направился в сторону кабинета Хедстрёма. Уже когда Патрик позвонил ему на мобильный и с металлом в голосе велел немедленно ехать в отделение, он заподозрил, что над ним нависла опасность. Он покопался в памяти, пытаясь сообразить, на чем его могли поймать, но был вынужден признать, что выбор слишком большой для того, чтобы угадать безошибочно. Он являлся истинным мастером находить легкие пути и давно возвел обман в вид искусства.

– Садись.

Он покорно подчинился приказу Патрика и для защиты от приближающейся бури принял непокорный вид.

– Чем вызвана такая безумная спешка? Я занимался делом, и ты не имеешь права грубо срывать меня сюда только потому, что тебя временно назначили отвечать за расследование.

Нападение – лучшая форма защиты, но, судя по все больше мрачающему выражению лица Патрика, в этом случае это был неверный путь.

– Ты на прошлой неделе принимал заявление о пропавшей немецкой туристке?

Дьявол. Об этом он забыл. Маленькая блондиночка пришла прямо перед ланчем, и он просто постарался от нее побыстрее отделаться, чтобы успеть поесть. Ведь обычно эти заявления о пропавших друзьях серьезного отношения не требовали. Чаще всего друзья обнаруживались в хлам пьяными в какой-нибудь канаве, или оказывалось, что они отправились домой к какому-нибудь парню. Черт побери! Он понял, что за это придется поплатиться. Надо же, он

не связал это с найденной вчера девушкой, но задним числом соображать легко. Сейчас нужно минимизировать потери.

– Ну да, наверное, принимал.

– Наверное! – Обычно спокойный голос Патрика гремел в маленьком помещении подобно грому. – Либо ты принимал заявление, либо нет. Третьего не дано. Если же ты принял заявление, то, черт... где оно? – Патрик был настолько взбешен, что запинался. – Ты понимаешь, во что это обошлось расследованию в плане времени?

– Да, конечно, получилось неудачно, но откуда мне было знать ...

– Тебе надо не знать, а выполнять свою работу. Надеюсь, мне никогда больше не придется сталкиваться с подобным. А сейчас нам придется наверстывать драгоценные часы.

– Могу ли я что-нибудь ... – Эрнст сделал голос максимально смиренным и всем своим видом постарался изобразить раскаяние. В глубине души он проклинал все на свете за то, что какой-то мальчишка разговаривает с ним таким образом, но поскольку Хедстрём теперь, похоже, стал ушами Мелльберга, еще усугублять ситуацию было бы глупо.

– Ты уже сделал достаточно. Мы с Мартином продолжим заниматься расследованием. А ты займешься поступающими сигналами. Мы получили заявление об ограблении виллы в Шепстаде. Я поговорил с Мелльбергом и получил санкцию на то, чтобы ты поехал туда один.

Показывая, что разговор окончен, Патрик повернулся к Эрнсту спиной и принялся так неистово стучать по клавиатуре, что раздавались громкие щелчки.

Эрнст, ворча, двинулся прочь. Все-таки ничего уж такого безумно страшного не произошло – подумаешь, не написал один-единственный маленький рапорт. В подходящий момент он поговорит с Мелльбергом о том, насколько уместно назначать человека с такой неуравновешенной психикой ответственным за расследование убийства. Да, черт возьми, непременно поговорит.

По прыщавому парню перед ним можно было изучать летаргию. На его лице читалась безнадежность, ему явно уже давно вдолбили мысль о бессмысленности существования. Подобные признаки были хорошо знакомы Якобу, и он не мог не рассматривать это как вызов. Он знал, что обладает властью направить жизнь мальчика в совершенно ином направлении, но, насколько хорошо ему это удастся, будет зависеть исключительно от того, есть ли у самого мальчика хоть какое-нибудь желание, чтобы его перетянули на правильный путь.

В региональной общине работу Якоба с молодежью хорошо знали и уважали. К нему на хутор попадали многие сломленные души, чтобы потом уехать оттуда продуктивными гражданами общества. Религиозный аспект, правда, от посторонних умалчивался, поскольку государственные ассигнования держались на зыбкой основе. Всегда находятся неверующие люди, которые кричат: «Секта!», как только что-либо выходит за рамки их ограниченного взгляда на суть религии.

Большую часть уважения Якоб заработал благодаря собственным заслугам, но он не мог отрицать, что какую-то долю можно приписать тому, что он приходится внуком Эфраиму Хульту, «Проповеднику». Дед, правда, не принадлежал именно к этой общине, но его репутация была столь широко известна на побережье Бухулена, что она вызывала отклик во всех свободных религиозных объединениях. Ортодоксальная шведская церковь, естественно, считала Проповедника шарлатаном, но, с другой стороны, такого мнения придерживались все те, кто предпочитал ограничиваться чтением проповедей по воскресеньям перед пустыми церковными скамьями, поэтому свободные христианские объединения не обращали на это особого внимания.

Работа с трудными и злоупотребляющими подростками заполняла жизнь Якоба уже почти десятилетие, но теперь она не приносила ему того удовлетворения, как раньше. В свое время он принимал активное участие в налаживании деятельности на хуторе для перевоспитания подростков, но работа больше не заполняла пустоту, с которой он жил всю жизнь. Ему чего-то не хватало, и погоня за этим неизвестным «чем-то» его пугала. Он долгое время думал, что крепко стоит на земле, а сейчас ощущал тревожное покачивание под ногами и страшился пропасти, которая могла разверзнуться и поглотить его целиком, и телом, и душой. Как много раз он, твердый в своем убеждении, с умным видом подчеркивал, что сомнение – первейшее орудие дьявола, не зная, что однажды сам окажется в подобном состоянии.

Он встал и прошел за спину мальчика. Глядя в выходящее на озеро окно, он видел лишь собственное отражение в стекле. «Сильный, здоровый мужчина», – иронично размышлял он. Черные волосы коротко подстрижены – Марита, стригущая его дома, справляется со своей задачей отлично. Изящно вылепленное лицо с тонкими чертами, но без оттенка женственности. Не худой и не особенно полный; его телосложение можно определить как нормальное. Но главным достоинством Якоба были глаза – ярко-голубые, с уникальной способностью казаться одновременно ласковыми и пронизывающими. Эти глаза помогли ему наставить многих на путь истинный. Он знал это и пользовался этим.

Но не сегодня. Собственные демоны мешали ему сосредоточиться на чьих-то других проблемах, и воспринимать слова мальчика было легче, не глядя на него. Оторвав взгляд от собственного отражения, он посмотрел на озеро и простиравшийся на десятки километров лес. Стояла такая жара, что Якоб мог видеть, как воздух вибрирует над водой. Большой хутор они купили дешево, поскольку им долгие годы не занимались и он пребывал в сильном запустении, и в результате многих часов напряженной совместной работы они привели его в нынешнее состояние. Никакой роскоши, но свежо, чисто и уютно. Представитель муниципалитета всегда восхищался домом и красивыми окрестностями и разглагольствовал о положительном влиянии, которое это должно иметь на бедных не приспособленных к жизни мальчиков и девочек. С получением ассигнований проблем у них пока не возникало, и в течение десяти лет своего существования деятельность протекала успешно. Значит, проблема присутствует только у него в голове, в душе?

Возможно, к выбору неправильного направления на решающем перепутье его подтолкнуло напряжение в повседневной жизни. Он взял сестру к себе в дом без малейших колебаний. Кто, если не Якоб, смог бы успокоить ее душу и укротить ее бунтарский характер? Но она оказалась для него непосильным соперником в психологической борьбе, и в то время как ее «я» с каждым днем набирало силу, он чувствовал, что постоянное раздражение подрывало весь его фундамент. Иногда он, сжимая кулаки, думал, что она глупая, бездарная девчонка, заслуживающая, чтобы семья сбыла ее с рук. Однако это противоречило христианскому мышлению, и следствием каждой такой мысли всегда становились часы самоанализа и усердное изучение Библии в надежде обрести силу.

Внешне он по-прежнему являл собой скалу надежности и оптимизма. Якоб знал, что люди в его окружении нуждаются в нем как человеке, на которого они всегда могут опереться, и пока был не готов пожертвовать этим своим образом. С тех самых пор как он победил сильно мучившую его одно время болезнь, он боролся за то, чтобы не потерять контроль над существованием. Однако усилия по поддержанию внешней невозмутимости истощали его последние ресурсы, и пропасть приближалась семимильными шагами. Он вновь задумался над иронией в том, что круг после стольких лет замкнулся. Полученное известие заставило его на секунду сделать невозможное. Усомниться. Сомнение продолжалось всего мгновение, но оно образовало малюсенькую трещину в плотной основе, придававшей его жизни цельность, и эта трещинка все больше увеличивалась.

Якоб отогнал эти мысли и заставил себя сосредоточиться на стоящем перед ним парне и его жалком существовании. Вопросы, которые он задавал, появлялись автоматически, равно как и сочувственная улыбка, всегда имевшаяся у него в запасе для новой паршивой овцы стада.

Еще один день. Еще один сломленный человек, нуждающийся в излечении. Конца этому не видно. Но даже Богу на седьмой день нужно было отдохнуть.

Забрав с острова теперь уже ярко-розовое семейство, Эрика с нетерпением ждала прихода Патрика. Она также высматривала признаки того, что Конни с семьей начинают собирать свои пожитки, но было уже половина шестого, а они не предпринимали никаких попыток тронуться в путь. Эрика решила немного подождать, пока не найдет какой-нибудь деликатный способ спросить, не следует ли им скоро ехать, но от детского крика у нее начиналась сильная головная боль, поэтому особенно оттягивать было нельзя. Она с облегчением услышала, как по лестнице поднимается Патрик, и побрела его встречать.

– Привет, дорогой. – Ей пришлось встать на цыпочки, чтобы его поцеловать.

– Привет. Они еще не уехали? – Патрик говорил тихо, заглядывая в гостиную.

– Нет, и они, похоже, не предпринимает никаких конкретных действий в этом направлении. Что нам, черт возьми, делать? – Эрика отвечала столь же тихо и закатила глаза, показывая свое недовольство ситуацией.

– Они же не могут, не спросив, просто остаться еще на день? Или могут? – с озабоченным видом произнес Патрик.

Эрика фыркнула.

– Если бы ты знал, сколько у моих родителей бывало летом гостей, которые собирались остановиться только на денек, а потом оставались на неделю, ожидая, что их будут обслуживать и бесплатно кормить. Люди ненормальные. А родственники всегда хуже всех.

У Патрика сделался испуганный вид.

– Нельзя же, чтобы они остались на неделю? Нам надо что-то предпринять. Ты не можешь сказать им, что они должны уехать?

– Я? Почему говорить им это должна я?

– Вообще-то они твои родственники.

Эрике пришлось признать, что это – аргумент. Значит, оставалось проглотить горькую пилюлю. Она пошла в гостиную, чтобы узнать о планах гостей, но так и не успела.

– Что мы будем есть? – Четыре пары глаз повернулись к ней с надеждой.

– О... – Эрика сбилась от чистой растерянности перед наглостью. Она быстро перебрала в голове все, что есть в морозилке. – Спагетти с мясным фаршем. Через час.

Когда она вышла на кухню к Патрику, ей хотелось дать самой себе пинка.

– Что они сказали? Когда они уедут?

– Не знаю. Но через час будут есть спагетти с фаршем, – проговорила Эрика, не глядя Патрику в глаза.

– Ты ничего не сказала? – Теперь настала очередь Патрика закатывать глаза.

– Это не так просто. Попробуй сам, тогда увидишь, – прошипела в ответ Эрика и принялась с бряцанием доставать кастрюли и сотейники. – Придется сжать зубы еще на вечер. Завтра я им скажу. Начинай лучше крошить лук, я не в силах одна приготовить ужин на шесть человек.

Некоторое время они работали в давящей тишине, но потом Эрика не смогла дольше сдерживаться.

– Я сегодня была в библиотеке и нашла кое-какой материал, который может тебе пригодиться. Он лежит там. – Она кивнула в сторону кухонного стола. Там аккуратной кучкой лежала основательная пачка откопированных листов.

– Я же сказал, чтобы ты не...

– Да-да, знаю. Но дело сделано, и это было очень приятно в качестве разнообразия, гораздо лучше, чем сидеть дома и пялиться в стены. Так что не нуди.

Патрик, к этому времени уже усвоивший, когда бывает лучше промолчать, уселся за стол, и начал просматривать материал. Там оказались газетные статьи о двух исчезнувших девушках, и он читал с большим интересом.

– Черт, как здорово! Знаешь, я возьму это завтра с собой на работу и почитаю подробнее, но смотрится потрясающе.

Он подошел к плите, встал позади Эрики и положил руки на ее выступающий живот.

– Я вовсе не хочу занудствовать. Я просто волнуюсь за тебя и малыша.

– Я знаю. – Эрика обернулась и обняла его за шею. – Но я вообще-то не из фарфора, и если раньше женщины могли работать в поле, пока чуть ли не там и рожали, то уж, наверное, я могу посидеть в библиотеке, переворачивая листы, без того чтобы что-то случилось.

– Да, ладно. Понятно. – Он вздохнул. – Как только мы избавимся от наших постояльцев, мы сможем больше заботиться друг о друге. Обещай, что скажешь, если захочешь, чтобы я в какой-нибудь день остался дома. В отделении знают, что я работаю по собственной инициативе и что на первом месте для меня ты.

– Обещаю. А сейчас лучше помоги мне приготовить еду, тогда детки, возможно, угомонятся.

– Едва ли. Может, стоит дать им перед едой по стаканчику виски, тогда они, наверное, заснут. – Он лукаво улыбнулся.

– Фу, какой ты страшный человек. Принеси лучше по стаканчику Конни и Бритте, тогда, по крайней мере, у них будет хорошее настроение.

Патрик последовал ее совету и с грустью смотрел, как быстро понижается уровень в бутылке его лучшего солодового виски. Если гости останутся еще на несколько дней, его коллекцию виски будет уже никогда не восстановить.

Лето 1979 года

Она с величайшей осторожностью открыла глаза. Причиной тому была дикая головная боль, от которой ныли даже корни волос. Как ни странно, никакой разницы по сравнению с тем, когда глаза были закрыты, не обнаружилось. Ее по-прежнему окружала крошечная тьма. На мгновение пришла паническая мысль, что она ослепла. Возможно, выпитый вчера самогон был плохим – она слышала истории о том, как молодые люди слепли, выпив самогона. Через несколько секунд кое-что вокруг начало слабо проступать, и она поняла, что со зрением все в порядке, просто здесь нет света. Она посмотрела вверх, чтобы проверить, не увидит ли звездное небо или месяц, если лежит на улице, но сразу сообразила, что так темно летом не бывает и она должна была бы увидеть нежный северный летний свет.

Пощупав то, на чем лежала, она зачерпнула пригоринию похожей на песок земли, которая просыпалась у нее между пальцами. Чувствовался сильный запах перегоя, сладковатый и тошнотворный, и у нее возникло ощущение, что она под землей. Ее охватила паника. Начала развиваться клаустрофобия. Не зная размеров пространства, она вообразила, что стены медленно приближаются к ней, охватывают ее. Почувствовав, будто воздух начинает кончатся, она схватилась за шею, но потом заставила себя сделать несколько спокойных глубоких вдохов, чтобы подавить панику.

Было холодно, и она сразу обнаружила, что на ней нет ничего, кроме трусиков. Тело в нескольких местах болело, она с дрожью притянула колени к подбородку и обхватила ноги руками. Первая паника уступила место такому сильному страху, что казалось, будто он вонзается ей в кости. Как она сюда попала? И почему? Кто ее раздел? Мозг оказался способен ответить лишь, что ей едва ли захочется узнать ответ на эти вопросы. С ней произошло что-то плохое, и она не знает, что именно, но оно во много раз усиливало парализовавший ее страх.

На руке вдруг появилась полоска света, и она автоматически подняла глаза к его источнику. Маленькая щелочка проступала на темном, как бархат, черном фоне, и она заставила себя подняться на ноги и позвала на помощь. Никакой реакции. Встав на цыпочки, она попыталась дотянуться до источника света, но даже не приблизилась к нему. Зато почувствовала, как что-то закапало на поднятое вверх лицо. Капли воды превратились в ручеек, и она сразу ощутила сильную жажду. Даже не подумав, она инстинктивно открыла рот, чтобы всосать жидкость, жадно, большими глотками. Поначалу большая часть проливалась мимо, но через несколько секунд она подстроилась и стала лихорадочно пить. Потом ей показалось, будто все окутал туман, и помещение завертелось. И настала сплошная темнота.

Линда, вопреки обыкновению, проснулась рано, но все-таки попыталась снова заснуть. Накануне вечером или ночью, если проявлять педантичность, она пробыла с Юханом допоздна и сейчас от недостатка сна ощущала нечто вроде легкого похмелья. Но впервые за последние месяцы она слышала, как по крыше стучит дождь. Комната, которую обустроили для нее Якоб и Марита, находилась прямо под коньком крыши, и звук стучащего по черепице дождя был настолько громким, что, казалось, эхом отдавался у Линды в висках.

Вместе с тем она впервые за долгое время проснулась утром в прохладной спальне. Жара продержалась почти два месяца и установила рекорд: лето выдалось самым жарким за последние сто лет. Поначалу Линда приветствовала палящее солнце, но несколько недель назад прелесть новизны ушла, и ей стало ненавистным просыпаться между влажными от пота простынями. Поэтому тем большее удовольствие доставлял сейчас проникавший под потолочные балки свежий прохладный воздух. Линда скинула тонкое одеяло и дала телу возможность почувствовать приятную температуру. Совершенно нетипично для себя она решила встать

прежде, чем кто-нибудь выгонит ее из постели. Может, для разнообразия даже неплохо позавтракать не в одиночестве. С кухни доносилось звяканье расставляемой посуды, поэтому Линда надела короткое кимоно и сунула ноги в тапочки.

В кухне ее раннее появление вызвало удивление на лицах. Там уже собралось все семейство – Якоб, Марита, Вильям и Петра, но, когда Линда уселась на один из свободных стульев и принялась делать бутерброд, приглушенный разговор за столом резко оборвался.

– Приятно, что ты в виде исключения захотела составить нам компанию, но я бы еще больше обрадовался, если бы ты, когда спускаешься вниз, надевала чуть больше одежды. Подумай о детях.

От долбаного лицемерия Якоба у Линды подступила тошнота. Только чтобы позлить его, она слегка ослабила пояс тонкого кимоно так, что в вырезе показалась одна грудь. Лицо Якоба побелело, но он почему-то оказался не в силах вступить с сестрой в борьбу и промолчал. Вильям и Петра смотрели на нее с восхищением, и она стала строить им гримасы, отчего оба зашлись от смеха. Она не могла не признать, что дети очень славные, но со временем Якоб с Маритой их наверняка испортят. Получив полный курс религиозного воспитания, они утрачат жизнерадостность.

– Так, успокойтесь. Во время еды сидите за столом как следует. Спусти ногу со стула, Петра, и сиди как большая девочка. Вильям, закрывай рот, когда ешь. Я не хочу видеть, что ты жуешь.

Смех детей затих, и они сели прямо, точно два оловянных солдатика с пустыми неподвижными взглядами. Линда вздохнула. Иногда ей прямо не верилось, что они с Якобом действительно родственники. Она была убеждена, что не существует брата с сестрой, более непохожих друг на друга, чем она и Якоб. Чертовски несправедливо, что он – любимчик родителей, которого те постоянно возносят до небес, а ее они только пилят. Разве она виновата в том, что появилась на свет поздно и внепланово, когда родители уже настроились больше не возиться с малышами? Или многолетняя болезнь Якоба до ее рождения отбила у них желание вновь подвергаться чему-то подобному. Конечно, она понимала весь ужас того, что он чуть не умер, но за что тут наказывать ее? Ведь не она навлекла на него болезнь.

После того как Якоба объявили здоровым, его продолжали баловать так же, как во время болезни. Казалось, будто родители рассматривают каждый день его жизни как подарок от Бога, а ее жизнь доставляла им только неприятности и хлопоты. Не говоря уже о дедушке и Якобе. Конечно, она понимала, что у них была особая связь после того, что дед сделал для Якоба, но ведь это не означало, что у него в душе не должно было оставаться места для других внуков. Дед, правда, умер до ее рождения, так что ей не пришлось сталкиваться с его равнодушием, но она знала от Юхана, что на них с Робертом благосклонность деда не распространялась, и им пришлось наблюдать, как все его внимание сосредоточивалось на кузене Якобе. Будь дед еще жив, наверняка та же участь постигла бы и ее.

От несправедливости во всем у нее к глазам подступили слезы, но Линда, как уже много раз раньше, подавила их. Она не собиралась доставлять Якобу удовольствие видеть ее слезы и тем самым давать возможность опять выступить в роли спасителя. Она знала, что у него чешутся руки направить ее жизнь на правильный путь, но она скорее бы умерла, чем стала таким ковриком для вытирания ног, как он. Возможно, хорошие девочки попадают на небо, но она намеревалась пойти намного дальше этого. Лучше погибнуть с шумом и грохотом, чем влачить такую жалкую жизнь, как влачит старший брат, пребывающий в убеждении, что его все любят.

– У тебя есть на сегодня какие-нибудь планы? Мне требуется небольшая помощь по хозяйству.

Задавая Линде вопрос, Марита спокойно делала новые бутерброды детям. Заботливая женщина с обычным лицом и небольшим лишним весом. Линда всегда считала, что Якоб мог

бы найти себе получше. Ей представилась картина брата с невесткой в спальне. Наверняка они, верные долгу, занимаются этим раз в месяц, с выключенным светом, и невестка одета в закрытую ночную рубашку до щиколоток. При мысли об этом она захихикала, и остальные посмотрели на нее с интересом.

– Эй, Марита задала тебе вопрос. Ты можешь ей сегодня помочь по хозяйству? Знаешь, ты все-таки живешь не в пансионате.

– Да, да, я слышала с первого раза. Тебе незачем читать мне нотации. И нет, сегодня я тебе помочь не могу. Мне надо... – Она искала подходящее оправдание. – Я должна присмотреть за Сирокко. Он вчера немного хромал.

Ее оправдание встретили скептическими взглядами, и Линда приняла самое воинствующее выражение лица, приготовившись к борьбе. Однако, к ее удивлению, невзирая на очевидную ложь, сегодня все оказались не в силах с ней воевать. Победа осталась за ней: впереди еще один день безделья.

Желание выйти на улицу и встать под дождь, подняв лицо к небу и подставив его струям воды, было непреодолимым. Но некоторые вещи взрослому человеку позволять себе нельзя, особенно когда ты на работе, и Мартину пришлось подавить ребяческий импульс. Но все равно было приятно. Державшие их последние два месяца в плену духоту и жару смывало одним мощным ливнем. Благодаря распахнутому окну Мартин мог ощущать запах дождя. На ближайшую к окну часть письменного стола брызгало водой, но Мартин переместил оттуда все бумаги, поэтому ничего страшного в этом не было. Зато он мог почувствовать аромат прохлады.

Патрик позвонил и сказал, что проспал, поэтому Мартин для разнообразия оказался на работе первым. Накануне, после обнаружения оплошности Эрнста, в отделении царило подавленное настроение, так что приятно было посидеть в тишине и покое и обдумать последнее развитие событий. Он не завидовал Патрику, которому предстояло оповестить родственников женщины, но он тоже сознавал, что определенность является первым шагом к врачующей части психологической переработки скорби. Правда, они, вероятно, даже не знали о том, что она пропала, поэтому известие станет для них шоком. Сейчас первым делом требовалось их найти, и одна из сегодняшних задач Мартина заключалась в том, чтобы связаться с немецкими коллегами. Ему хотелось надеяться, что с ними можно будет общаться по-английски, иначе у него возникнут проблемы. Он достаточно хорошо помнил «школьный немецкий» Патрика, чтобы, послушав, как тот с трудом разговаривал с подругой Тани, не ждать от его познаний в немецком особой помощи.

Он как раз собирался поднять трубку, чтобы позвонить в Германию, когда его опередил пронзительный звонок. Когда он услышал, что звонят из судебно-медицинской лаборатории Гётеборга, пульс у него слегка участился и он потянулся за блокнотом. Вообще-то им следовало отчитываться Патрику, но, поскольку тот еще не пришел, придется довольствоваться Мартином.

– Вы там, в глуши, похоже, начали попадать в переделки.

Судмедэксперт Торд Педерсен намекал на вскрытие Алекс Викнер, которое он производил полтора года назад и которое положило начало одному из пока что крайне немногочисленных расследований убийства в отделении полиции Танумсхеде.

– Да, уже впору задуматься, не попало ли нам что-нибудь в воду. По статистике убийств мы, пожалуй, скоро догоним Стокгольм.

Легкий юмористический тон был для них, как и для многих людей их профессии, часто сталкивавшихся со смертью и несчастьем, способом справляться с ежедневной рабочей ситуацией и вовсе не влиял на понимание серьезности того, чем они занимались.

– Вы уже успели ее вскрыть? Я думал, что в такую жару народ лишает друг друга жизни чаще, чем когда-либо, – продолжил Мартин.

– По сути, ты прав. Мы замечаем, что из-за жары народ более вспыльчив, но в последние дни у нас образовался некоторый спад, поэтому мы успели заняться вашим делом быстрее, чем думали.

– Тогда рассказывай. – Мартин затаил дыхание. Многое в успехе расследования зависит от того, насколько много смогут сообщить судмедэксперты.

– Ну, ясно, что вы имеете дело не с самым симпатичным персонажем. Определить причину смерти не составило труда: женщину задушили, но действительно примечательным является то, что с ней делали до наступления смерти.

Педерсен сделал паузу и, судя по звуку, надел очки.

– Да? – Мартин не мог скрыть нетерпения.

– Сейчас посмотрим... Вы потом получите это по факсу... Хм.

– Педерсен стал просматривать текст, и у Мартина вспотела рука, судорожно сжимавшая трубку.

– Да, вот оно. Четырнадцать переломов в разных местах скелета. Судя по различной степени заживления, все причинены до наступления смерти.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что кто-то ломал ей руки, ноги и пальцы рук и ног на протяжении приблизительно недели.

– Их ломали все сразу или в несколько приемов, вы можете это установить?

– Как я сказал, нам видно, что у переломов различная степень заживления, поэтому, с моей профессиональной точки зрения, они возникали в течение всего периода. Я сделал эскиз порядка, в котором, как я считаю, ломали кости. Он есть в факсе, который я вам послал. У нее еще довольно много неглубоких резаных ран на теле. Они тоже в разных стадиях заживления.

– Черт побери, – вырвался у Мартина спонтанный комментарий.

– Я склонен согласиться с этой оценкой. – Голос Педерсена звучал в телефоне сухо. – Боль, которую она испытывала, должна была быть непереносимой.

Несколько минут они молча обдумывали человеческую жестокость. Потом Мартин пришел в себя.

– Вы нашли на теле какие-нибудь следы, которые могут нам помочь?

– Да, мы нашли сперму. Если вы только найдете подозреваемого в преступлении, привязать его к убийству можно будет анализом ДНК. Мы, разумеется, тоже пробьем по базе, но мы таким путем редко добиваемся результатов. Реестр пока слишком мал. Можно лишь мечтать о том дне, когда у нас в базе будет ДНК всех граждан. Тогда ситуация кардинально изменится.

– Да, «мечтать» – подходящее слово. Ограничение свободы личности, и все такое; наверное, будут ставить палки в колеса.

– То, чему подверглась эта женщина, уж точно является ограничением свободы личности, так что я даже не знаю...

Для всегда говорящего по существу Торда Педерсена это звучало на удивление философски, и Мартин понял, что судьба женщины внезапно его взволновала. Обычно судмедэксперты такого себе не позволяют, если хотят хорошо спать ночью.

– Можешь сказать мне, когда приблизительно она умерла?

– Да, я получил результаты проб, которые криминалистический отдел взял на месте, и дополнил их собственными наблюдениями, так что могу указать достаточно точный временной интервал.

– Давай.

– По моей оценке, она умерла между шестью и одиннадцатью часами вечера накануне дня, когда ее нашли в Королевском ущелье.

– А более точно сказать не можешь? – В голосе Мартина слышалось разочарование.

– У нас в Швеции существует практика в таких случаях никогда не указывать более короткий временной интервал, чем пять часов, поэтому ничего лучше я предложить не могу. Но вероятность, что интервал таков, девяносто пять процентов, так что, с другой стороны, достоверность очень велика. Зато я могу подтвердить то, что вы наверняка заподозрили: Королевское ущелье является вторичным местом преступления, женщину убили и пару часов после смерти продержали в другом месте, о чем, в частности, свидетельствуют трупные пятна.

– Уже что-то. – Мартин вздохнул. – А скелеты? Они что-нибудь дали? Ты, наверное, получил от Патрика сведения о том, кто, мы подозреваем, это может быть?

– Да, получил. Там мы еще не до конца разобрались. Найти зубные формулы семидесятих годов не так-то просто, как кажется, но мы усиленно работаем и, как только будем знать больше, сразу сообщим. Но могу сказать, что оба скелета женские, и возраст вроде примерно подходящий. Тазовая кость одной женщины также указывает на то, что женщина рожала, и это совпадает с вашими данными. Самое интересное то, что у обоих скелетов такие же переломы, как у убитой женщины. Между нами говоря, я даже осмелился бы сказать, что у всех трех жертв они почти идентичны.

Мартин от изумления уронил ручку на пол. Что же такое на них свалилось? Убийца-садист, совершающий злодеяния с интервалом в двадцать четыре года. Об альтернативе: что убийца не ждал двадцать четыре года, а они просто пока не нашли остальные жертвы, – ему даже не хотелось думать.

– Их ножом тоже резали?

– Поскольку органический материал не сохранился, сказать трудно, но на костях имеется несколько царапин, которые могут указывать на то, что их подвергали такому же обращению.

– А причина их смерти?

– Та же, что у немки. Вдавленные прямо у шеи кости совпадают с повреждениями, возникающими при удушении.

По ходу разговора Мартин быстро записывал.

– Можешь дать мне еще что-нибудь интересное?

– Только то, что скелеты, вероятно, были закопаны, на них есть остатки земли, из которых мы, возможно, сумеем что-нибудь извлечь при анализе. Но он еще не готов, так что вам придется набраться терпения. На Тане Шмидт и одеяле, на котором она лежала, тоже имелась земля, и мы сравним ее с образцами со скелетов. – Педерсен сделал паузу. – Расследованием руководит Мелльберг?

В его голосе почувствовалось некоторое беспокойство. Мартин украдкой усмехнулся, но смог успокоить его.

– Нет, ответственность возложили на Патрика. Но кому достанется слава, если мы это раскроем, это другой вопрос...

Они оба посмеялись над замечанием Мартина, но этот смех, по крайней мере у Мартина, слегка застрял в горле.

Закончив разговор с Тордом, он пошел и забрал полученный отделением факс, и, когда немного позже на работе появился Патрик, Мартин уже все прочел. Прослушав суммированную информацию, Патрик пришел в столь же подавленное настроение, как он. Дело выливается прямо в какой-то чертов клубок.

Анна лежала в купальнике на носу яхты, подставив тело под палящие лучи солнца. Дети спали после обеда в каюте, а Густав стоял у руля. Каждый раз, когда нос яхты ударялся о водную поверхность, на Анну брызгали капельки соленой воды, принося чудесную прохладу. Прикрыв

глаза, она могла на мгновение забыть о существующих проблемах и убеждать себя в том, что это и есть ее настоящая жизнь.

– Анна, тебя к телефону. – Голос Густава пробудил ее из близкого к медитации состояния.

– Кто там? – Она заслонила от солнца глаза и увидела, что он размахивает ее мобильным телефоном.

– Он не захотел говорить.

Вот, черт. Она сразу сообразила, кто звонит, и с беспокойством, уже начавшим маленькими твердыми узелками ощущаться в животе, осторожно пробралась к Густаву.

– Анна у телефона.

– Кто это, черт возьми, был? – прошипел Лукас.

Анна засомневалась.

– Я же говорила, что собираюсь кататься на яхте с подругой.

– И ты пытаешься внушить мне, что это подруга? – быстро парировал он. – Как его зовут?

– Тебя это не...

– Анна, как его ЗОВУТ?! – перебил ее Лукас.

От звука его голоса в телефоне сопротивление у нее с каждой секундой все больше рушилось.

– Густав аф Клинт, – тихо ответила она.

– Надо же. Страшно подумать, как у тебя там роскошно. – Насмешливый голос стал низким и угрожающим. – Как ты смеешь брать моих детей в отпуск с другим мужчиной?

– Лукас, мы же разведены, – проговорила Анна и прикрыла рукой глаза.

– Ты не хуже меня знаешь, что это ничего не меняет. Ты мать моих детей, и это означает, что мы связаны навсегда. Ты моя, и дети мои.

– Почему же тогда ты пытаешься их у меня отнять?

– Потому что ты неуравновешенная, Анна. У тебя всегда были слабые нервы, и, честно говоря, я не полагаюсь на то, что ты можешь заботиться о моих детях так, как они того заслуживают. Посмотри хотя бы, как вы живете. Ты целыми днями работаешь, а они ходят в садик. Ты считаешь это хорошей жизнью для детей?

– Но я должна работать, Лукас. А как ты собирался решать это, если бы детьми занимался ты? Тебе тоже нужно работать. Кто бы тогда о них заботился?

– Решение есть, Анна, ты знаешь.

– Ты с ума сошел? Чтобы я вернулась к тебе после того, как ты сломал Эмме руку? Не говоря уже обо всем, что ты сделал мне? – Ее голос перешел на фальцет. В тот же миг она инстинктивно почувствовала, что зашла слишком далеко.

– Я не виноват! Это был несчастный случай! Кроме того, если бы ты с таким упорством постоянно не противоречила мне, я бы так часто не выходил из себя!

Это все равно что говорить в пустоту. Бесполезно. Прожив столько лет с Лукасом, Анна знала, что он действительно так думает. Он никогда не бывает виноват. Во всем происходящем всегда виноваты другие. Избивая ее, он каждый раз заставлял ее ощущать вину за то, что она не проявляла достаточной понятливости, достаточной нежности, достаточной покорности.

Когда ей с помощью скрытых ранее ресурсов сил удалось добиться развода, она впервые почувствовала себя сильной, непобедимой. Наконец она вновь станет хозяйкой своей жизни. Они с детьми смогут начать все с начала. Однако добилась Анна этого подозрительно легко. Лукас действительно пребывал в шоке от того, что во время одной из вспышек ярости сломал дочке руку, и проявил несвойственную ему сговорчивость. Бурная холостяцкая жизнь после развода тоже способствовала тому, что он, бросаясь от одного увлечения к другому, позволял Анне и детям жить спокойно. Но как раз когда Анна почувствовала, что ей удалось спастись, Лукас начал уставать от новой жизни и вновь обращать взгляды к семье. Когда цветы, подарки и мольбы о прощении ничего не дали, нежности закончились. Лукас стал добиваться едино-

личной опеки над детьми. Он прибег к множеству беспочвенных обвинений в адрес Анны как неподходящей матери. В них не было ни слова правды, но, когда Лукас хотел, он мог быть таким убедительным и очаровательным, что она все равно дрожала при мысли, что его попытки могут дать результат. Она также знала, что на самом деле ему нужны не дети. Сочетать работу с заботой о двух маленьких детях он бы не смог и просто надеялся достаточно запугать Анну, чтобы вернуть ее. В минуты слабости она уже была готова вернуться. Вместе с тем она понимала, что это невозможно. Тогда ей конец. Надо решительно сопротивляться.

– Лукас, эта дискуссия не имеет смысла. После развода я начала новую жизнь, и тебе следовало бы поступить так же. Да, я действительно встретила нового мужчину, и тебе остается только научиться с этим мириться. Дети чувствуют себя хорошо, и я чувствую себя хорошо. Неужели мы не можем попытаться вести себя в этом вопросе как взрослые люди?

Она говорила умоляющим тоном, но на другом конце была полная тишина. Анна поняла, что перешла границу. Услышав гудки, свидетельствовавшие о том, что Лукас просто-напросто положил трубку, она знала, что ей придется каким-то образом за это заплатить. Причем дорого.

Лето 1979 года

Зверский спазм заставил ее вцепиться пальцами в лицо. Боль, испытанная, когда ногти процарапали на коже длинные полосы, показалась почти терпимой по сравнению с болью, разрывающей голову, и помогла сосредоточиться.

Было по-прежнему темно, но что-то пробудило ее из глубокого забытья. Наверху показалась маленькая полоска света, и, пока она, щурясь, смотрела на свет, полоска стала медленно расширяться. Видно с непривычки ничего не было, но она слышала, как кто-то проник сквозь расширившуюся до отверстия щель и спускается по лестнице. Кто-то подходил в темноте все ближе и ближе. От растерянности она не могла разобраться, надо ощущать страх или облегчение. Оба эти чувства присутствовали вперемежку, и верх брало то одно, то другое.

Последние шаги к месту, где она лежала на боку, поджав ноги, были почти беззвучными. Еще не услышав ни слова, она почувствовала, как ее гладят рукой по голове. Вероятно, этот жест задумывался как успокаивающий, но от самой простоты движения сердце сковал страх.

Рука продолжала двигаться по ее телу, а она дрожала в темноте. На секунду мелькнула мысль: оказать близкому незнакомцу сопротивление. Мысль исчезла столь же быстро, как появилась. Темнота слишком подавляла, а ласкающая рука пронзала ей кожу, нервы и душу. Она с ужасом сознавала, что ей остается только покоряться.

Когда рука вместо ласки принялась разгибать и выворачивать, тянуть и рвать, это не стало для нее сюрпризом. Она в каком-то смысле радовалась этой боли. Было легче осознанно справляться с болью, чем переносить страх ожидания неизвестности.

Торд Педерсен перезвонил всего через несколько часов после разговора Патрика с Мартином. Один скелет они идентифицировали. Одной из тех, кого нашли в Королевском ущелье, оказалась Мона Тернблад, девушка, исчезнувшая в 1979 году второй.

Патрик с Мартином сели и принялись вместе разбирать накопившуюся в расследовании информацию. Мелльберг блистал своим отсутствием, но на работу после удачного участия в соревнованиях по гольфу вернулся Йоста Флюгаре. Он, правда, не выиграл соревнование, но, к своему удивлению и радости, сумел закатить мяч в лунку с одного удара, и его пригласили выпить шампанского в здании клуба. Мартин и Патрик уже трижды подробно выслушали, как получилось, что мячик с первого удара попал в шестнадцатую лунку, и не сомневались в том, что до конца дня услышат еще несколько раз. Но они относились к этому спокойно. Йоста заслужил эту радость, и Патрик предоставил ему маленькую отсрочку, прежде чем вовлечь его в расследование. Поэтому сейчас Йоста обзванивал всех знакомых гольфистов и рассказывал о Великом Событии.

– Итак, мы имеем дело с мерзавцем, который, прежде чем убить девушек, ломает им кости, – сказал Мартин. – И режет ножом, – добавил он.

– Да, похоже на то. Я бы предположил, что за этим наверняка кроется некий сексуальный мотив. Какой-то чертов садист возбуждается от боли других. Присутствие на Тане спермы тоже на это указывает.

– Ты поговоришь с родственниками Моны? Я имею в виду, сообщишь, что мы ее нашли? Мартин явно заволновался, и Патрик успокоил его, пообещав взять эту задачу на себя.

– Думаю, я съезжу к ее отцу после обеда. Мать умерла много лет назад, так что сообщать надо только отцу.

– Откуда тебе это известно? Ты их знаешь?

– Нет, но Эрика вчера побывала в библиотеке Фьельбаки и нашла все, что писали в прессе о Сив и Моне. К исчезновениям периодически возвращались, и даже нашлось интер-

вью с семьями, взятое пару лет назад. У Моны в живых остался только отец, а у Сив еще до исчезновения была одна мать. Правда, была еще маленькая дочка, и я собираюсь с ней тоже поговорить, как только мы получим подтверждение, что вторая женщина – это Сив.

– Наверное, было бы адским совпадением, окажись это кто-то другой?

– Да, поэтому я рассчитываю, что это она, но с полной уверенностью мы пока говорить не можем. Случались и более странные вещи.

Перебрав раздобытые Эрикой бумаги, Патрик разложил несколько из них веером на письменном столе. Он также достал папку с материалами расследования, которую отыскал в подвальном архиве, чтобы объединить имеющуюся информацию об исчезновении девушек. В газетных статьях нашлось много такого, что отсутствовало в папке, поэтому для полной картины того, что пока известно, требовались оба источника.

– Смотри. Сив исчезла в день праздника середины лета, в семьдесят девятом году, а Мона двумя неделями позже.

Для большей наглядности и структурирования материала Патрик встал из-за стола и записал это на висевшей на стене доске для объявлений.

– Сив Лантин в последний раз видели живой, когда она после гулянки с друзьями ехала домой на велосипеде. Самое последнее свидетельство описывает, как она сворачивает с большой дороги и направляется в сторону Брекке. Было два часа ночи, и ее видел водитель проезжавшей мимо машины. После этого никто ее не видел и ничего о ней не слышал.

– Если не считать сведений Габриэля Хульта, – добавил Мартин.

– Да, – Патрик согласно кивнул, – если не считать показаний Габриэля Хульта, но я думаю, мы их пока учитывать не будем. Мона Тернблад пропала двумя неделями позже, – продолжил он. – В отличие от Сив она исчезла прямо посреди дня. Она вышла из дома около трех часов, чтобы совершить пробежку, но больше домой не вернулась. Одну из ее кроссовок нашли возле дороги, где девушка обычно бегала, и на том все.

– Имелось ли между девушками что-нибудь общее? Помимо того, что они тогда были примерно одного возраста.

Патрик не смог сдержать улыбки.

– Насмотрелся, как я понимаю, программ с психологическими портретами. К сожалению, должен тебя разочаровать. Если мы имеем дело с серийным убийцей, к чему, полагаю, ты клонишь, то между девушками нет никакого, во всяком случае внешнего, сходства.

Он прикрепил на доску две фотографии.

– Сив было девятнадцать лет. Маленькая, темноволосая и полненькая. Ее считали довольно легкомысленной, и, когда она в семнадцать лет родила ребенка, во Фьельбаке разразилось нечто вроде скандала. Сив вместе с ребенком жила у матери, но, судя по утверждению газет, она периодически отправлялась на гулянки и не слишком любила сидеть дома. Мону, напротив, описывают как правильную девочку, которая хорошо училась в школе, имела много друзей и вообще пользовалась популярностью. Она была высокой, светловолосой и много занималась спортом. В восемнадцать лет она по-прежнему жила с родителями, поскольку мать болела и отец не справлялся с уходом за ней в одиночку. Похоже, никто не мог сказать о ней ничего плохого. Так что объединяет девушек лишь то, что обе бесследно исчезли с лица земли более двадцати лет назад, и потом их скелеты обнаружили в Королевском ущелье.

Мартин задумчиво подпер голову рукой. Они с Патриком немного посидели, молча изучая газетные вырезки и записи на доске. Оба думали о том, как молодо выглядят девушки. Не встретиться на их пути какое-то зло, им предстояло прожить еще много лет. И потом Таня, прижизненных фотографий которой у них пока не имелось. Тоже молодая девушка, наделенная жизнью, которой она могла распорядиться по своему усмотрению. Но теперь мертва и она.

– Проводилось множество допросов. – Патрик достал из папки толстую пачку машинописных страниц. – Опрашивали друзей и семьи девушек. Обходили дома во всей округе,

а также задавали вопросы местным хулиганам. Насколько я вижу, в общей сложности провели около сотни допросов.

– Они что-нибудь дали?

– Нет, ничего. Пока они не получили наводку от Габриэля Хульта. Он сам позвонил в полицию и рассказал, что в ту ночь, когда Сив пропала, видел ее в машине своего брата.

– И? Этого, наверное, едва ли могло хватить для того, чтобы счесть его подозреваемым в ее убийстве?

– Да, а когда брата Габриэля, Юханнеса Хульта, допрашивали, тот отрицал, что разговаривал с ней или даже видел ее, но за неимением более горячих следов решили сосредоточиться на нем.

– Они чего-нибудь добились? – Глаза Мартина широко раскрылись от непроизвольного восхищения.

– Нет, больше ничего не выяснилось. А через пару месяцев Юханнес Хульт повесился у себя в амбаре, так что можно, пожалуй, сказать, что след стал очень холодным.

– Как-то странно, что он покончил с собой так скоро после этого.

– Да, но если он все-таки был виновен, то убить Таню должен был его дух. Покойники не убивают...

– И что у него был за брат, если позвонил и заложил собственную плоть и кровь? Зачем человеку может такое понадобиться? – Мартин наморщил лоб. – Но какой же я дурак. Хульт... это ведь наверняка родня Юхана и Роберта, наших старых верных работников на воровской ниве.

– Да, правильно. Юханнес приходился им отцом. Изучив род Хультов, я немного лучше понимаю, почему выходит, что Юхан и Роберт нас так часто посещают. Им было не больше пяти и шести лет, когда Юханнес повесился, и нашел его в амбаре Роберт. Можно представить, как это должно было повлиять на шестилетнего мальчика.

– Да, черт возьми. – Мартин покачал головой. – Слушай, прежде чем мы продолжим, мне надо выпить кофе. Содержание кофеина упало до критического уровня. Захватить тебе чашку?

Патрик кивнул, и вскоре Мартин вернулся с двумя чашками дымящегося кофе. Погода, как ни странно, располагала к горячим напиткам.

– Юханнес и Габриэль приходятся сыновьями человеку по имени Эфраим Хульт, его еще называют Проповедником, – продолжил рассказ Патрик. – Эфраим был широко известным – или печально известным, как угодно, пастором свободной церкви в Гётеборге. Он устраивал большие сборища, на которых предоставлял тогда еще маленьким сыновьям говорить на разных языках и исцелять больных и калек. Большинство считало его обманщиком и шарлатаном, но в таком случае он сорвал самый большой куш, когда умерла дама из преданного ему прихода, Маргарета Дюблинг, и завещала ему все, что имела. Помимо значительного состояния наличными, она оставила ему солидный надел в лесной местности, а также роскошный господский дом неподалеку от Фьельбаки. Эфраим внезапно утратил желание распространять слово Божье, переехал туда с сыновьями, и с тех самых пор семья там и живет.

Доска была уже полностью исписана, а по всему столу Патрика валялись бумаги.

– Узнать немного семейной истории, конечно, интересно, но какое это имеет отношение к убийствам? Как ты сказал, Юханнес умер за двадцать лет до убийства Тани, а покойники, как ты красноречиво выразился, не убивают. – Мартину было трудно скрыть нетерпение.

– Верно, но я изучил весь старый материал, и интерес там представляют только свидетельские показания Габриэля. Я надеялся поговорить с Эррольдом Линдом, отвечавшим тогда за расследование, но он, к сожалению, умер от инфаркта в восемьдесят девятом году, так что опираться мы можем только на этот материал. Если у тебя нет лучших идей, я предлагаю для начала узнать побольше о Тане и параллельно поговорить с оставшимися в живых родителями Сив и Моны, а потом решить, стоит ли нам снова беседовать с Габриэлем Хультом.

– Звучит разумно. С чего мне начать?

– Начни с поисков сведений о Тане. И проследи, чтобы завтра Йоста тоже включился в работу. Безмятежное времяпровождение для него закончено.

– А Мелльберг и Эрнст? Как ты намерен поступить с ними?

Патрик вздохнул.

– Моя стратегия состоит в том, чтобы как можно дольше не подпускать их к расследованию. Естественно, нагрузка на нас троих будет больше, но думаю, в конечном счете мы от этого выиграем. Мелльберг только обрадуется, если ему ничего не придется делать, и кроме того, он, по сути дела, уже отказался от этого расследования. Эрнст пусть продолжает заниматься тем, чем занимается, и берет на себя максимум поступающих заявлений. Если ему потребуется помощь, пошлем к нему Йосту, а мы с тобой по возможности будем заниматься только расследованием. Понятно?

– Да, босс. – Мартин с энтузиазмом кивнул.

– Тогда за дело.

После ухода Мартина Патрик сел лицом к доске, сцепил руки за головой и погрузился в глубокие размышления. Перед ними стояла масштабная задача, а у них почти не было опыта в расследовании убийств, поэтому у него от приступа отчаяния упало сердце. В глубине души он надеялся, что они смогут компенсировать отсутствие опыта энтузиазмом. Мартин уже вовсю включился, и неужели он, черт возьми, не сумеет пробудить Флюгаре от сна Спящей красавицы. Если им еще удастся не подпускать к расследованию Мелльберга и Эрнста, то Патрик считал, что у них, возможно, будет шанс раскрыть убийства. Правда, не особенно большой, учитывая, что два убийства надо раскрывать не просто не по горячим следам, а по глубоко замороженным. Патрик знал, что лучше всего им было бы сосредоточиться на Тане, но в то же время инстинкт подсказывал ему, что между убийствами существует настолько сильная и реальная связь, что ими следует заниматься параллельно. Вдохнуть жизнь в старое расследование будет нелегко, но он вынужден попытаться.

Он взял из подставки зонт, проверил по телефонному каталогу адрес и с тяжелым сердцем отправился в путь. Выполнение некоторых заданий требует просто нечеловеческих усилий.

Дождь упорно стучал по оконным стеклам, и при других обстоятельствах Эрика радовалась бы приносимой им прохладе. Однако судьбе и назойливым родственникам было угодно иное, и она медленно, но верно приближалась к грани безумия.

Дети от злости, что им приходится сидеть взаперти, носились как ненормальные, а Конни и Бритта, подобно загнанным в одну клетку собакам, начали кидаться друг на друга. До полноценной ссоры дело еще не дошло, но мелкие перебранки постепенно разрастались и уже перешли на уровень шипения и переругивания. Вытягивались старые грехи и несправедливости, и Эрике больше всего хотелось подняться вверх и закрыться с головой одеялом. Но ей опять мешало хорошее воспитание: грозило пальцем и заставляло ее стараться вести себя в зоне войны цивилизованно.

Когда Патрик уходил на работу, она смотрела на дверь с тоской. Сбегая в отделение, он не мог скрыть облегчения, и у нее на несколько секунд возникло искушение проверить данное накануне обещание остаться дома, как только она потребует. Но она сознавала, что неправильно просить об этом только потому, что ей не хочется, чтобы ее бросали одну с «ужасной четверкой», и она, как верная жена, просто помахала ему из окна кухни, когда он отъезжал.

Дом был невелик, и общий беспорядок уже начинал принимать катастрофические формы. Эрика достала детям несколько игр, но это привело лишь к тому, что буквы из

игры «Скраббл» теперь валялись по всей гостиной вперемешку с фишками из «Монополии» и игральными картами. Наклоняясь с большим трудом, Эрика собирала игровые принадлежности и пыталась немного прибрать в комнате. Разговор на веранде, где сидели Конни и Бритта, становился все более горячим, и она начала понимать, почему дети не получили особого воспитания. С родителями, которые ведут себя как пятилетние малыши, не так-то легко научиться уважению к другим и их вещам. Только бы этот день побыстрее прошел! Как только дождь закончится, она выставит семейство Флуд. При всем уважении к хорошему воспитанию и гостеприимству ей потребовалось бы быть олицетворением Святой Биргитты, чтобы не прийти в ярость, если они останутся еще дольше.

Последней каплей стал обед. Несмотря на боль в ногах и ломоту в нижней части спины, она час простояла у плиты, чтобы приготовить обед, отвечающий прожорливости Конни и привередливости детей, и, на ее взгляд, получилось довольно удачно. Она думала, что обжаренная фалунская колбаса⁷ и тушеные макароны удовлетворят обе стороны, но вскоре выяснилось, что она совершила страшную ошибку.

– Бе-е, я ненавижу фалунскую колбасу. Гадость!

Лиса демонстративно отставила тарелку и с мрачным видом скрестила руки на груди.

– Жаль, потому что в предложении есть только она. – Голос Эрики звучал твердо.

– Но я голодная. Я хочу чего-нибудь другого!

– Ничего другого нет. Если не любишь колбасу, можешь поесть макароны с кетчупом. – Эрика постаралась придать голосу мягкости, хотя у нее внутри все кипело.

– Макароны гадкие! Я хочу чего-нибудь другого. Мама-а-а!

– Не могла ли бы ты достать ей что-нибудь другое? – Бритта погладила свою капризулю по щеке и была вознаграждена улыбкой. Щеки уверенной в победе Лисы вспыхнули румянцем триумфатора, и она требовательно посмотрела на Эрику. Но граница была пройдена. Настало время войны.

– Ничего другого нет. Либо ты ешь то, что стоит перед тобой, либо вообще не ешь.

– Но, дорогая Эрика, мне кажется, ты проявляешь безрассудство. Конни, объясни ей, как мы поступаем дома, какие у нас принципы воспитания. – Однако ждать его ответа она не стала. – Мы детей ни к чему не принуждаем. Это тормозит их развитие. Если моя Лиса хочет чего-нибудь другого, то мы считаем только правильным ей это дать. Я хочу сказать, что она личность, обладающая таким же правом проявлять себя, как все остальные. Как бы ты отнеслась, если бы кто-нибудь заставлял тебя есть то, что ты не хочешь? Думаю, ты бы с этим не смирилась.

Бритта читала лекцию голосом настоящего психолога, и Эрика внезапно почувствовала, что чаша переполнилась. С ледяным спокойствием она взяла тарелку девочки, подняла ее над головой Бритты и перевернула. Изумление, когда тушеные макароны потекли на волосы и за ворот рубашки, заставило Бритту замолчать посреди предложения.

Десятью минутами позже они удалились. Вероятно, чтобы больше никогда не возвращаться. Эта часть родни теперь наверняка занесет ее в черный список, но даже при всем желании Эрика не могла утверждать, что ее это огорчало. Стыдиться она тоже не стыдилась, хотя ее поступок можно было в лучшем случае назвать ребячеством. Было безумно приятно дать выход накопившейся за двухдневный визит агрессии, и просить за это прощения она не намеревалась.

Остаток дня она планировала провести на диване веранды с хорошей книгой и первой за лето чашкой чая. Жизнь сразу же стала казаться намного светлее.

---

⁷ Традиционная шведская колбаса из говядины, свинины и картофельного крахмала.

Несмотря на скромные размеры занимаемой площади, роскошная зелень у него на веранде могла сравниться с лучшими садами. Каждый цветок был заботливо выращен из семечка или рассады, и благодаря жаркому лету атмосфера сейчас напоминала тропическую. В одном углу веранды у него росли овощи, и ничто не шло в сравнение с удовольствием сры-
вать собственноручно выращенные помидоры, кабачки, лук и даже дыни и виноград.

Его скромный таунхаус, находившийся на Динглевэген, на въезде во Фьельбаку с южной стороны, был маленьким, но функциональным, а веранда выступала среди скромных посадок владельцев остальных таунхаусов точно зеленый восклицательный знак.

Только сидя на веранде, он не скучал по старому дому. Дому, в котором он вырос, а потом жил с женой и дочерью. Их обеих не стало, и боль утраты возрастала до тех пор, пока он однажды не понял, что нужно проститься также с домом и хранящимися в его стенах воспо-
минаниями.

Конечно, таунхаусу не хватало индивидуальности, которую он любил в старом доме, но ее отсутствие способствовало смягчению боли в груди, и теперь горе в основном походило на глухой грохот, постоянно присутствовавший на заднем плане.

Когда Мона пропала, он думал, что Линнея умрет от сердечной раны. Жена болела уже давно, но оказалась выносливее, чем он думал. Она прожила еще десять лет. Ради него – в этом он не сомневался. Она не хотела оставлять его в горе одного. Изо дня в день она боролась за жизнь, которая превратилась для них обоих в одну видимость.

Мона была для них светом. Она появилась, когда они уже перестали надеяться, и дру-
гих детей у них так и не родилось. Это светловолосое веселое существо, чей смех зажигал у него в груди огоньки, стало воплощением всей любви, на какую они только были способны. У него не укладывалось в голове, что дочка могла просто исчезнуть. Тогда казалось, что солнце должно перестать светить, что небо должно упасть на землю. Однако ничего не произошло. За дверьми их погруженного в скорбь дома жизнь продолжалась как обычно. Люди смеялись, жили и работали. А Моны больше не было.

Они долго жили надеждой. Может, она где-то существует? Может, где-то живет без них и скрылась добровольно? В то же время оба сознавали правду. Ведь незадолго перед тем исчезла другая девушка, и совпадение было чересчур велико, чтобы они могли обманывать себя. Кроме того, Мона была девочкой, не способной сознательно причинить им такую боль. Добрая, милая, она всегда изо всех сил заботилась о них.

В день, когда умерла Линнея, он получил окончательное доказательство тому, что Мона на небесах. Болезнь и горе настолько истощили его любимую жену, что от нее осталась лишь тень, и, когда она, лежа в постели, взяла его за руку, он понял, что в этот день останется один. После нескольких часов бодрствования она в последний раз сжала его руку, и по ее лицу рас-
пространилась улыбка. Одновременно в глазах Линнеи зажегся свет, какого он не видел уже десять лет. С тех пор, как она в последний раз смотрела на Мону. Она устремила взгляд куда-то ему за спину и умерла. Тогда он окончательно уверился: Линнея умерла счастливой, потому что в туннеле ее ждала дочь. От этого переносить одиночество стало во многих отношениях легче. Теперь два его самых любимых человека, по крайней мере, оказались вместе. Его воссо-
единение с ними – лишь вопрос времени. Этого дня он ждал с нетерпением, но знал, что до тех пор обязан жить в меру своих способностей. Господь плохо понимает отступников, и делать что-либо, рискуя местом на небесах рядом с Линнеей и Моной, он не отваживался.

Его меланхолические размышления прервал стук в дверь. С трудом выбравшись из кресла, он, опираясь на палку, пробрался через зелень и прихожую к входной двери. Снаружи стоял серьезный молодой человек с поднятой рукой, готовый постучать еще раз.

– Альберт Тернблад?

– Да, это я. Но если вы что-то продаете, то мне ничего не нужно.

Мужчина улыбнулся.

– Нет, я не торговец. Меня зовут Патрик Хедстрём, я из полиции. Не разрешите ли мне ненадолго зайти?

Ничего не говоря, Альберт отступил в сторону и впустил его. Он провел полицейского на веранду и указал на диван. О его деле он не спросил. Не требовалось. Этого визита он ждал двадцать лет.

– Какие потрясающие растения. Сразу видно, что цветы вас любят. – Патрик нервно засмеялся.

Альберт ничего не ответил, но посмотрел на Патрика мягким взглядом. Он понимал, что полицейскому нелегко приходиться по такому поводу, но ему незачем волноваться. После стольких лет ожидания это очень важно – наконец узнать правду. Он все равно уже давно в горе.

– Видите ли, дело в том, что мы нашли вашу дочь. – Патрик откашлялся и начал заново: – Мы нашли вашу дочь и можем подтвердить, что ее убили.

Альберт лишь кивнул. Вместе с тем он почувствовал успокоение в душе. У него появится могила, куда можно ходить. Он положит дочь вместе с Линнеей.

– Где вы ее обнаружили?

– В Королевском ущелье.

– В Королевском ущелье? – Альберт наморщил лоб. – Если она лежала там, как получилось, что ее не нашли раньше? Там ведь ходит много народу.

Патрик Хедстрём рассказал ему об убитой немецкой туристке и о том, что они, вероятно, нашли Сив тоже. По их мнению, кто-то ночью перевез Мону и Сив, которые все эти годы находились где-то в другом месте.

Альберт теперь не особенно много перемещался по поселку, и поэтому, в отличие от остальных жителей Фьельбаки, еще не слышал об убийстве девушки. Когда он услышал о ее судьбе, у него сразу закололо в области живота. Кому-то предстоит пережить ту же боль, что им с Линнеей. Где-то есть отец и мать, которым больше не суждено увидеть свою дочь. Это заслонило новости о Моне. По сравнению с родителями девушки ему еще хорошо. Его горе успело приглушиться и утратить остроту. Пройдет много лет, прежде чем они достигнут такого состояния, и у него болело за них сердце.

– Известно, кто это сделал?

– К сожалению, нет. Но мы приложим все усилия к тому, чтобы это узнать.

– Вам известно, тот же ли это человек?

Полицейский опустил голову.

– На сегодняшний день мы даже об этом не можем говорить с уверенностью. Пока я могу сказать только, что некоторое сходство имеется.

Патрик с беспокойством взглянул на сидящего перед ним пожилого мужчину.

– Есть ли кто-нибудь, кому я могу позвонить? Кто-нибудь, кто сможет приехать и составить вам компанию?

– Нет, никого нет. – Старик мягко и по-отечески улыбнулся.

– Может, мне позвонить и узнать, не удастся ли пригласить к вам пастора?

– Нет, спасибо, пастор не нужен. – Опять та же мягкая улыбка. – Не беспокойтесь, я в мыслях уже многократно переживал этот день, поэтому для меня это не шок. Я хочу просто посидеть спокойно здесь, среди моих растений, и подумать. Со мной ничего не случится. Пусть я стар, но я вынослив.

Он накрыл ладонью руку полицейского, словно утешая того. Впрочем, возможно, так и было.

– Если вы не против, я хотел бы только показать вам несколько фотографий Моны и чуть-чуть рассказать о ней. Чтобы вы понимали, какой она была при жизни.

Молодой человек, не колеблясь, кивнул, и Альберт, прихрамывая, пошел за старыми альбомами. Он примерно час показывал фотографии и рассказывал о дочери. Это был лучший за долгое время час его жизни, и он осознал, что слишком давно не позволял себе предаваться воспоминаниям.

Когда они прощались у двери, он всучил Патрику одну из фотографий. На ней Мона справляла пятый день рождения с большим тортом с пятью свечками и улыбкой до ушей. Восхитительно красивая, со светлыми локонами и сверкающими от радости жизни глазами. Ему было важно, чтобы во время поисков убийцы дочери у полицейских постоянно стоял перед глазами этот снимок.

Когда полицейский ушел, он опять уселся на веранде. Прикрыл глаза, вдыхая сладкий цветочный аромат. Потом он заснул, и ему снился длинный светлый туннель, в конце которого его, словно тени, ждали Мона и Линнея. Ему казалось, что он видит, как они ему машут.

Дверь в его кабинет с шумом распахнулась. В нее ворвалась Сольвейг, позади которой было видно, как, беспомощно размахивая руками, бежит Лайне.

– Скотина! Проклятый старый хер!

Он автоматически поморщился от таких слов. Ему всегда казалось крайне неприятным, когда люди проявляли в его присутствии сильные эмоции, а подобный язык вызывал у него отвращение.

– В чем дело? Сольвейг, по-моему, тебе следует успокоиться и прекратить разговаривать со мной в таком стиле.

Он слишком поздно понял, что естественно вырвавшийся у него наставительный тон только еще больше распалил ее. Казалось, она была готова вцепиться ему в горло, и он на всякий случай отступил за письменный стол.

– Успокоиться! Ты говоришь, что мне следует успокоиться, слизняк долбаный! Старый паскудник!

Он видел, что ей доставляет удовольствие смотреть, как он вздрагивает при каждом оскорблении, а Лайне за ее спиной становилась все бледнее.

– Что с тобой, Габриэль? Почему у тебя такой удрученный вид? – Сольвейг слегка понизила голос, но в него закрались злобные нотки. – Тебе ведь обычно нравилось, когда я шептала тебе на ухо непристойности, тебя это заводило. Помнишь, Габриэль?

Отпуская колкости, Сольвейг начала приближаться к письменному столу.

– Незачем ворошить старое. У тебя есть какое-то дело или ты просто, как обычно, напи-лась и выказываешь недружелюбное отношение?

– Есть ли у меня дело? Можешь, черт возьми, не сомневаться. Я побывала во Фьельбаке, и знаешь что? Они нашли Мону и Сив.

Габриэль вздрогнул от изумления, ясно написанного у него на лице.

– Девушек нашли? Где же?

Наклонившись над столом, Сольвейг оперлась о него руками, так что ее лицо оказалось всего в нескольких сантиметрах от лица Габриэля.

– В Королевском ущелье. Вместе с убитой молодой немкой. И они считают, что убийца тот же. Стыдись, Габриэль Хульт! Стыдись того, что указал на брата, на собственную кровь и плоть. На человека, оказавшегося, при полном отсутствии доказательств, виновным в глазах людей. Его добило бесконечное перешептывание и показывание пальцами у него за спиной. Впрочем, ты, возможно, знал, что так и произойдет. Знал, что он слаб. Уязвим. Он не вынес

позора и повесился, и меня не удивило бы, если ты именно на это и рассчитывал, когда звонил в полицию. Ты не мог снести того, что Эфраим любил его больше.

Сольвейг так сильно тыкала его в грудь, что каждый тычок отталкивал Габриэля назад. Он уже стоял прижатым спиной к подоконнику и не мог дальше отодвигаться от нее. Оказавшись в замкнутом пространстве, он пытался глазами показать Лайне, чтобы та сделала что-нибудь с этой неприятной ситуацией, но жена, как обычно, просто беспомощно тарашилась.

Мартин с усердием и надеждой принялся выполнять задание – собирать сведения о Тане Шмидт, как ее звали, судя по паспорту. По их просьбе Лиза оставила им все Танины вещи, и Мартин тщательно обследовал ее рюкзак. На самом дне лежал паспорт. Он выглядел новым, и штампов в нем было мало. Собственно, имелись только штампы с пути между Германией и Швецией. Либо Таня раньше не выезжала за пределы Германии, либо по какой-то причине получила новый паспорт.

Паспортная фотография оказалась на удивление хорошей, и Мартин оценил ее внешность как приятную, правда, довольно ординарную. Карие глаза и каштановые волосы чуть ниже плеч. Рост метр шестьдесят пять, телосложение нормальное, что бы под этим ни подразумевалось.

В остальном же рюкзак ничего интересного не дал. Запасная одежда, несколько потрепанных книжек в мягкой обложке, туалетные принадлежности и пакетики от конфет. Вообще ничего личного, что показалось Мартину слегка странным. Разве люди не берут с собой по крайней мере фотографию семьи или близкого друга или записную книжку с адресами? Впрочем, возле тела ведь нашли сумочку. Лиза подтвердила, что у Тани была красная сумочка. Видимо, девушка хранила личные принадлежности там. Сейчас их, во всяком случае, нет. Может, речь идет об ограблении? Или убийца забрал ее личные вещи в качестве сувенира? Мартин видел по каналу «Дискавери», в программе про серийных убийц, что те обычно сохраняют вещи жертв, считая это частью ритуала.

Мартин опомнился. Ведь пока ничто не указывает на серийного убийцу, поэтому лучше не заикливаться на этой мысли.

Он принялся набрасывать кое-какие пункты для сбора материала о Тане. Первым делом связаться с немецкой полицией, что он уже собирался сделать, когда его прервал звонок Торда Педерсена. Далее – более подробно поговорить с Лизой и, наконец, попросить Йосту съездить в кемпинг и немного поспрашивать там народ. Узнать, не разговаривала ли Таня с кем-нибудь. Или, возможно, лучше попросить Патрика поручить это Йосте. Полномочия приказывать Йосте в этом расследовании имеет Патрик, а не Мартин. А все имеет тенденцию решаться намного легче, если надлежащим порядком соблюдать протокол.

Он вновь начал набирать номер немецкой полиции и на этот раз дозвонился. Было бы преувеличением сказать, что разговор протекал легко, но, положив трубку, Мартин был более или менее уверен в том, что сумел правильно донести необходимые сведения. Ему пообещали перезвонить, как только у них появится больше информации. Так, во всяком случае, по его мнению, сказал человек на другом конце провода. Если потребуется много общаться с немецкими коллегами, вероятно, придется приглашать переводчика.

Принимая во внимание, сколько времени может занять получение информации из-за границы, он пожалел о том, что на работе у него нет такого же хорошего интернета, как дома. Но из-за угрозы хакерства отделение полиции не имело даже паршивого модемного соединения. Мартин записал себе, чтобы не забыть поискать дома на Таню Шмидт в немецком телефонном каталоге, если тот выложен в сети. Правда, если ему правильно помнилось, Шмидт – одна

из самых распространенных немецких фамилий, поэтому шанс, что это ему что-нибудь даст, минимален.

Поскольку теперь оставалось только ждать информацию из Германии, можно было приниматься за следующую задачу. У него имелся номер мобильного телефона Лизы, и Мартин сперва позвонил ей, чтобы убедиться, что она по-прежнему на месте. Оставаться она вообще-то обязана не была, но пообещала не уезжать еще пару дней для того, чтобы они успели с ней поговорить.

Ее поездка наверняка утратила большую часть своей прелести. Согласно показаниям, данным ею Патрику, девушки за короткое время очень сблизились. Теперь же она сидит в палатке кемпинга Фьельбаки в одиночестве, а ее случайную попутчицу убили. Может, ей тоже угрожает опасность? Такое развитие событий Мартину раньше в голову не приходило. Пожалуй, лучше поговорить об этом с Патриком, как только тот вернется. Ведь убийца мог увидеть девушек в кемпинге и по какой-то причине сосредоточиться на них обеих. Хотя как в таком случае сюда вписываются кости Моны и Сив? Моны и, *возможно*, Сив, сразу поправился он. Один из лекторов в полицейской школе как-то раз сказал, что никогда нельзя считать что-либо точным, если ты не полностью уверен, и Мартин старался следовать этому тезису в своей работе.

По зрелом размышлении он посчитал, что никакая опасность Лизе не угрожает. Здесь они опять-таки имеют дело с вероятностью, а Лиза, по всей вероятности, оказалась во что-то вовлеченной только из-за неудачного выбора попутчицы.

Невзирая на прежние опасения, он решил позволить себе попытаться ненавязчиво привлечь Йосту к небольшой конкретной полицейской работе. И прошел по коридору до его комнаты.

– Йоста, можно тебя отвлечь?

Йоста, по-прежнему пребывая в лирическом настроении из-за своего достижения, разговаривал по телефону и, когда в дверь просунулась голова Мартина, стыдливо положил трубку.

– Да?

– Патрик просил нас съездить в кемпинг. Я должен встретиться с попутчицей жертвы, а тебе, как я понимаю, следует немного порасспрашивать народ в кемпинге.

Йоста, естественно, слегка побурчал, но не поставил под сомнение справедливость утверждения Мартина относительно того, как Патрик распределил поручения. Он надел куртку и последовал за Мартином к машине. Ливень уже перешел в слабое накрапывание, но воздух был прозрачным и свежим, и дышалось легко. Казалось, будто пыль и жару последних недель смыло, и все выглядело чище, чем обычно.

– Надо надеяться, что этот дождь – случайность, иначе мой гольф полетит к черту, – усевшись в машину, мрачно проворчал Йоста, и Мартин подумал, что сейчас, видимо, только он не радуется маленькой передышке от летней жары.

– Ну, я-то нахожу дождь довольно приятным. Я от этого пекла чуть не умер. А подумай о жене Патрика. Наверняка чертовски тяжело быть на сносях посреди лета. Мне бы такого точно не вынести.

Мартин продолжал болтать, прекрасно сознавая, что Йоста чаще всего помалкивает, когда обсуждается что-нибудь, кроме гольфа. А поскольку познания Мартина в гольфе ограничивались тем, что мячик круглый и белый и что гольфистов обычно опознают по клетчатым клоунским штанам, он настроился поддерживать разговор в одиночку. Поэтому он сперва даже не обратил внимания на тихий комментарий Йосты.

– Наш сын родился в начале августа, в такое вот жаркое лето.

– Йоста, у тебя есть сын? Честно говоря, не знал.

Мартин покопался в памяти в поисках сведений о семье Йосты. Он знал, что жена Йосты пару лет назад умерла, но не мог припомнить, чтобы слышал что-либо о детях. Он с удивлением

посмотрел на сидящего на пассажирском месте Йосту. Коллега не отрывал взгляда от лежащих на коленях рук. Похоже, сам того не осознавая, он вертел золотое обручальное кольцо, которое по-прежнему носил. Казалось, будто он не слышал вопроса Мартина.

– Майбритт поправилась на тридцать килограмм, – продолжил он глухим голосом. – Она стала огромной, как дом. И в жару тоже была не в силах передвигаться. Под конец она лишь сидела в тени и тяжело дышала. Я приносил ей воду, кувшин за кувшином, но это было все равно что пытаться напоить верблюда, жажда никак не переставала ее мучить.

Он засмеялся странным, отрешенным, почти ласковым смехом, и Мартин понял, что Йоста далеко углубился в закоулки памяти и говорит уже не с ним.

– Родился мальчик идеальным, – продолжил Йоста. – Был толстеньким и красивым. – Йоста повертел обручальное кольцо и заговорил быстрее: – Я как раз навещал их в палате, когда он вдруг перестал дышать. Поднялась жуткая паника. Со всех сторон понабежали люди и забрали его у нас. В следующий раз мы его увидели уже только в гробу. Похороны были красивыми. Потом нам не хотелось снова пытаться. Боялись новой неудачи. Мы с Майбритт не смогли бы этого вынести. Вот и пришлось довольствоваться друг другом.

Йоста вздрогнул, словно пробудившись из транса. Он с укором посмотрел на Мартина, будто тот был виноват в том, что он дал волю словам.

– Больше мы об этом не разговариваем, ясно? И болтать об этом за кофе вам тоже незачем. С тех пор прошло уже сорок лет, и никому другому об этом знать не надо.

Мартин кивнул. Не сумев сдержаться, он легонько хлопнул Йосту по плечу. Старик забурчал, но Мартин все-таки почувствовал, что в это мгновение их связала тоненькая ниточка, появившаяся на месте прежнего обоюдного отсутствия уважения. Возможно, Йоста по-прежнему не самый лучший пример, каким должен быть сотрудник полицейского корпуса, но это не означает, что он не обладает опытом и знаниями, и ему самому есть чему у него поучиться.

Приехав в кемпинг, они оба испытали облегчение. После крупных откровений молчание часто бывает тягостным, и последние пять минут они проехали именно в таком молчании.

Засунув руки в карманы, Йоста с унылым видом вперевалку направился обходить постояльцев кемпинга. Мартин, спрашивая по пути дорогу, нашел палатку Лизы, оказавшуюся размером чуть больше носового платка. Она располагалась между двумя большими палатками и по сравнению с ними выглядела еще меньше. В палатке справа от Лизы громко шумела развлекавшаяся играми семья с детьми, а слева под выступающим из палатки тентом сидел здоровенный парень лет двадцати пяти и пил пиво. Все они посмотрели на Мартина с любопытством, когда он приблизился к Лизиной палатке.

Возможности постучаться не было, поэтому он осторожно позвал девушку снаружи. Вслед за звуком открывающейся молнии из входного отверстия показалась голова со светлыми волосами.

Двумя часами позже они уехали оттуда, так и не узнав ничего нового. Лиза не смогла что-либо добавить к тому, что уже рассказала Патрику в отделении, и никто из остальных обитателей кемпинга не заметил ничего существенного, касавшегося Тани или Лизы.

Однако что-то из увиденного не давало Мартину покоя. Он лихорадочно перебирал визуальные впечатления от посещения кемпинга, но по-прежнему пребывал в растерянности. Что-то точно заслуживало пристального внимания. Он раздраженно постукивал пальцами по рулю, но под конец вынужден был оставить мысль о будоражащем воспоминании.

Обратно они ехали в полном молчании.

Патрик надеялся, что в старости станет таким же, как Альберт Тернблад. Не одиноким, конечно, но таким же элегантным. Альберт не позволил себе опуститься после смерти жены, что случается со многими пожилыми мужчинами, когда они остаются одни. У него хорошие рубашка и жилет, а белые волосы и борода производят ухоженное впечатление. Несмотря на трудности при ходьбе, он двигается достойно, с высоко поднятой головой, и, судя по тому немногому, что Патрик видел, дом, кажется, содержит в чистоте и порядке. Патрику также понравилось, как Альберт воспринял известие о том, что его дочь нашли. Было видно, что он смирился с судьбой и в сложившихся обстоятельствах старается жить максимально хорошо.

Показанные Альбертом фотографии Моны глубоко тронули Патрика. Он уже в который раз осознал, что встречающиеся на его пути жертвы преступлений слишком легко превращаются в цифры для статистики или получают ярлыки: «пострадавший» или «жертва». Все равно, ограбили кого-нибудь или, как в данном случае, убили. Альберт поступил совершенно правильно, показав ему фотографии. Теперь ему довелось проследить Мону от рождения до пухленькой малышки, от школьницы до студентки и той веселой, ведущей здоровый образ жизни девушки, какой она была перед самым исчезновением.

Впрочем, существовала еще одна девушка, о которой ему следовало узнать побольше. Кроме того, он достаточно хорошо знал местных жителей, чтобы понимать, что у слухов уже выросли крылья и они с быстротой молнии понеслись по поселку. Лучше бы опередить их, поехать и поговорить с матерью Сив Лантин, несмотря на то что им еще не подтвердили, что это Сив. Перед отъездом из отделения он на всякий случай узнал и ее адрес. Установить ее место жительства оказалось немного труднее, поскольку Гун больше не носила фамилию Лантин, а, видимо, вышла замуж вторым браком или первым, в чем он разбираться не стал. Проведя некоторую детективную работу, он установил, что теперь ее фамилия Струвер и что во Фьельбаке на улице Норра-Хамнгатан имеется летний дом, записанный на Гун и Ларса Струвер. Фамилия Струвер показалась Патрику знакомой, но он не мог вспомнить откуда.

Ему повезло найти парковочное место неподалеку от пляжного ресторана, откуда осталось только пройти сто метров пешком. Летом движение по Норра-Хамнгатан было односторонним, но на этом коротком отрезке ему встретились три идиота, явно не умеющих читать дорожные знаки и поэтому вынудивших его прижиматься к каменной стене, когда сами они протискивались мимо встречного транспорта. Очевидно, местность, где они живут, тоже коварная и вынуждает их ездить на больших внедорожниках. Летние отдыхающие частенько приезжали на подобных машинах, и Патрик предположил, что в данном случае непроходимой местностью считается регион Стокгольма.

Патрика подмывало выхватить полицейский жетон и прочесть им нотацию, но он воздержался. Если они начнут тратить время на то, чтобы учить уму-разуму летних приезжих, они больше ничем не будут успевать заниматься.

Когда он подошел к нужному дому – белому дому с синими углами, расположенному по левую руку напротив цепочки красных сараев для лодок, придававшей Фьельбаке характерный силуэт, – хозяева выгружали из желтой машины «Вольво V70» несколько здоровых чемоданов. Или, вернее, пожилой господин в двубортном пиджаке, пыхтя, вынимал чемоданы в одиночку, а невысокая, сильно накрашенная женщина стояла рядом и жестикулировала. Оба были загорелыми, даже чересчур, и не будь лето таким богатым на солнце, Патрик подумал бы, что они провели отпуск за границей. Но сейчас коричневый цвет мог с таким же успехом объясняться отдыхом на скалах Фьельбаки.

Он подошел к ним и, секунду посомневавшись, кашлянул, чтобы привлечь их внимание. Оба застыли и повернулись к нему.

– Да? – Голос у Гун Струвер оказался чуть слишком пронзительным, и Патрик отметил недовольное выражение ее лица.

– Меня зовут Патрик Хедстрём, я из полиции. Не могу ли я с вами немного поговорить?

– Наконец-то! – Руки с красными ногтями взлетели в воздух, и она закатила глаза. – Надо же, потребовалось столько времени! Не понимаю, куда только идут деньги от наших налогов! Мы все лето указывали на то, что народ незаконно ставит машины на нашей парковке, но не слышали от вас ни звука. Вы собираетесь наконец разобраться с этим хулиганством? Вообще-то мы дорого заплатили за дом и считаем, что имеем право пользоваться парковкой сами, но, возможно, мы хотим слишком многого!

Она поставила руки в боки и уставилась на Патрика. Позади нее стоял муж с таким видом, будто готов провалиться сквозь землю. Он явно не находил все это столь же возмутительным.

– Я, собственно, пришел не по поводу нарушения правил парковки. Но прежде всего я должен спросить: звали ли вас до замужества Гун Лантин и есть ли у вас дочь по имени Сив?

Гун незамедлительно замолчала и приложила руку ко рту. Ответа на вопрос больше не требовалось. Первым опомнился муж и показал Патрику на открытую для вноса вещей входную дверь. Оставлять чемоданы стоять на улице казалось несколько рискованным, поэтому Патрик взял два из них и стал помогать Ларсу Струверу их заносить, а Гун поспешила войти в дом первой.

Они разместились в гостиной: Гун и Ларс уселись рядышком на диване, а Патрик предпочел кресло. Гун уцепилась за Ларса, но его утешающие поглаживания казались скорее автоматическими, словно он считал, что этого от него требует ситуация.

– Что случилось? Что вам удалось узнать? Ведь прошло более двадцати лет, как что-нибудь могло выясниться после такого срока? – Она нервно болтала безумолку.

– Я хочу подчеркнуть, что мы пока точно не знаем, но вполне возможно, что мы нашли Сив.

Рука Гун взлетела к горлу, и казалось, женщина лишилась дара речи.

– Мы по-прежнему ждем от судмедэксперта окончательной идентификации, но, видимо, это Сив, – продолжил Патрик.

– Но как, где?... – Она едва выдавила вопросы, причем те же, что задавал отец Моны.

– В Королевском ущелье нашли мертвую молодую женщину. Одновременно с ней обнаружили также Мону Тернблад и, вероятно, Сив.

Он, в точности как Альберту Тернбладу, объяснил, что девушек туда перевезли и что полиция прилагает все усилия к тому, чтобы узнать, кто мог совершить эти убийства.

Гун припала лицом к груди мужа, но Патрик отметил, что она плачет с сухими глазами. У него возникло впечатление, что ее проявления горя в какой-то степени являются игрой на публику, но он счел это скорее смутным ощущением.

Собравшись с силами, Гун достала из сумочки маленькое зеркальце и проверила, не испортился ли макияж, после чего посмотрела на Патрика.

– Что будет теперь? – спросила она. – Когда мы сможем получить останки моей бедняжки Сив? – Не дожидаясь ответа, она обратилась к мужу: – Ларс, мы должны организовать для моей дорогой бедняжки обстоятельные похороны. Потом мы могли бы предложить пришедшим немного еды и кофе в банкетном зале Центральной гостиницы. Или даже угостить их обедом из трех блюд. Как ты думаешь, мы смогли бы пригласить... – Она назвала имя одного из промышленных тузов, который, как знал Патрик, живет на той же улице, только чуть дальше.

– Я в начале лета столкнулась с его женой в магазине, – продолжала Гун, – и она сказала, что нам надо просто как-нибудь взять и договориться о встрече. Они наверняка оценят приглашение.

В ее голос закрались нотки возбуждения, и у мужа появилась неодобрительная морщина между бровями. Патрик сразу сообразил, где раньше слышал его фамилию. Ларс Струвер осно-

вал в свое время крупнейшую сеть продовольственных магазинов Швеции, но теперь, если Патрик правильно помнил, пребывал на пенсии, а сеть продали иностранным владельцам. Ничего удивительного, что у них есть средства на покупку дома в таком месте. Этот господин тянет на много, много миллионов. Мать Сив достигла больших высот с тех пор, как в семидесятые годы круглый год жила в маленьком летнем домике с дочерью и внучкой.

– Дорогая, не следует ли нам озаботиться этими практическими вопросами немного позже? Тебе сначала требуется некоторое время, чтобы переварить новости.

Он укоризненно посмотрел на нее, и Гун тотчас опустила взгляд, вспомнив о роли горюющей матери.

Патрик оглядел комнату, и ему, невзирая на скорбную задачу, стало очень смешно. Он увидел пародию на дома летних отдыхающих, над которыми обычно иронизировала Эрика. Вся комната была обставлена как корабельная каюта с морским колоритом: лоцманские карты на стенах, светильники в виде маяков, занавески с изображением ракушек и даже журнальный столик сделан из старого штурвала. Яркий пример того, что большие деньги и хороший вкус необязательно сопутствуют друг другу.

– Не могли бы вы немного рассказать о Сив? Я только что посещал Альберта Тернблада, отца Моны, и мне даже показали кое-какие ее фотографии в детские и подростковые годы. Нельзя ли увидеть подобные снимки вашей дочери?

В отличие от Альберта Тернблада, просиявшего, получив возможность рассказать о своем сокровище, Гун озабоченно заерзала на диване.

– Ну, даже не знаю, что это даст. Когда Сив исчезла, мне задавали массу вопросов, и у вас, наверное, сохранились старые бумаги...

– Разумеется, но я имел в виду скорее что-нибудь в личном плане. Какой она была, что любила, кем хотела стать и тому подобное...

– Хотела стать? Ничего особо путного из нее получиться не могло. Она в семнадцать лет забеременела от немецкого парня, и тут уж я проследила за тем, чтобы она больше не тратила понапрасну время на учебу. Было уже все равно поздно, да и потом, я вовсе не собиралась заниматься ее ребенком в одиночку и на этом стояла твердо.

Ее голос звучал насмешливо, и, наблюдая взгляды, которые бросал на жену Ларс, Патрик в глубине души подумал, что, каким бы тому ни представлялся ее образ, когда они вступали в брак, от этой иллюзии почти ничего не осталось. Накопившиеся разочарования наложили на его лицо печать усталости и отчаяния. Было также ясно, что их брак дошел до той стадии, когда Гун уже не заботится о том, чтобы больше приемлемого маскировать свою истинную суть. Возможно, Ларс поначалу ее действительно любил, но Патрик готов был биться об заклад, что для Гун притягательным моментом стали чудесные миллионы на банковском счету Ларса Струвера.

– Кстати, о ее дочке, где она сейчас? – Патрик наклонился вперед, с любопытством ожидая ответа.

Опять крокодиловы слезы.

– После исчезновения Сив я не могла заботиться о ней одна. Мне, конечно, очень хотелось бы, но у меня в то время была довольно сложная ситуация, и заботиться о маленькой девочке я просто-напросто не могла. Поэтому я избрала наилучший выход и отправила ее в Германию, к папаше. Ну, он не слишком обрадовался ни с того ни с сего получить себе на голову ребенка, но поделать ничего не мог, он все же являлся отцом девочки, о чем у меня имелись документы.

– Значит, она сейчас живет в Германии? – В голове у Патрика зародилась маленькая мысль. Не могло ли быть... нет, это, пожалуй, все-таки невозможно.

– Нет, она умерла.

– Умерла? – Мысль Патрика исчезла с той же скоростью, как появилась.

– Да, погибла в автокатастрофе, когда ей было пять лет. Немец даже не потрудился позвонить. Я получила только письмо, где он сообщал, что Малин умерла. Меня даже не пригласили на похороны, можете себе представить! Моя собственная внучка, а мне даже не дали приехать на ее похороны. – Ее голос дрожал от негодования. – Еще при ее жизни он никогда не отвечал на мои письма. Не кажется ли вам, что было бы по меньшей мере справедливо, если бы он немного помогал бабушке своей несчастной сиротки? Все-таки в первые два года я заботилась о том, чтобы ребенок был накормлен и одет. Неужели мне за это не полагалась маленькая компенсация?!

Гун распалилась до ярости от несправедливости, которой, по ее мнению, она подверглась, и успокоилась, только когда Ларс положил руку ей на плечо и мягко, но решительно сжал его, призывая жену уюмониться.

Патрик оставил ее слова без ответа, понимая, что Гун Струвер его бы не оценила. Почему, скажите на милость, отец ребенка должен был посылать ей деньги? Неужели она действительно не понимает неправомерность своих требований? Очевидно, нет, раз он видит на ее загорелых, прямо лайковых щеках пятна гневного румянца, хотя внучка умерла уже более двадцати лет назад.

– Может, у вас сохранились какие-нибудь фотографии? – предпринял он последнюю попытку узнать о Сив что-либо личное.

– Ну, я не так много ее фотографировала, но что-нибудь, наверное, отыскать смогу.

Она ушла, оставив Патрика в гостинной наедине с Ларсом. Они немного помолчали, а потом Ларс заговорил, но тихо, чтобы не услышала Гун.

– Она не такая холодная, как кажется. У нее есть очень хорошие стороны.

«Yeah, right⁸», – подумал Патрик. Он бы назвал это утверждение словом безумца в свою защиту⁹. Впрочем, Ларс, вероятно, изо всех сил старается оправдать свой выбор жены. Патрик прикинул, что Ларс лет на двадцать старше Гун, и вполне логично предположить, что выбор жены произошел под влиянием не головы, а иной части тела. Хотя, с другой стороны, Патрик не мог не признать, что профессия, возможно, сделала его чуть слишком циничным. Откуда ему знать – может, это была настоящая любовь.

К ним вернулась Гун, но не с толстыми альбомами, как Альберт Тернблад, а с одной-единственной маленькой черно-белой фотографией, которую она сердито сунула Патрику. Снимок изображал Сив легкомысленным подростком с новорожденной дочкой на руках, но в отличие от фотографии Моны радость на лице Сив полностью отсутствовала.

– Ой, но теперь нам необходимо заняться наведением порядка. Мы только что вернулись из Прованса, где живет дочь Ларса. – По тому, как Гун произнесла слово «дочь», Патрик понял, что каких-либо нежных чувств между ней и падчерицей нет.

Он также понял, что дальнейшее его присутствие здесь нежелательно, и откланялся.

– И спасибо за фотографию. Я обещаю вернуть ее в хорошем состоянии.

Гун только отмахнулась. Потом она вспомнила о своей роли, и ее лицо исказила гримаса.

– Пожалуйста, сообщите мне, как только будете знать точно. Я очень хочу наконец похоронить свою доченьку.

– Я, естественно, свяжусь с вами, как только что-нибудь узнаю.

Обходиться такой краткой фразой было необязательно, но весь этот спектакль внушал ему неприязнь.

Когда он вновь оказался на улице, небо над ним разверзлось. Он немного постоял, позволяя проливному дождю смыть липкое ощущение, которое вызвал визит к Струверам. Ему требовалось поехать домой, обнять Эрику и почувствовать, как пульсирует жизнь, когда он

---

⁸ Да уж, конечно (англ.).

⁹ «Слово безумца в свою защиту» – название романа шведского писателя Августа Стриндберга (1888).

прикладывает руку к ее животу. Требовалось почувствовать, что мир – не столь жестокое и злое место, как иногда кажется. Таким он быть просто не может.

Лето 1979 года

Казалось, прошли месяцы. Но она знала, что этого быть не могло. Тем не менее каждый час в темном подземелье ощущался как целая жизнь.

Слишком много времени для размышлений. Слишком много времени, чтобы чувствовать, как боль выворачивает каждый нерв. Время для размышлений над всем, что она потеряла. Или потеряет.

Теперь она понимала, что ей отсюда не выйти. От такой боли не сбежишь. Тем не менее она никогда не ощущала рук мягче, чем у него. Ни одни руки еще не ласкали ее с такой любовью, заставляя ее ждать нового прикосновения. Не того отвратительного, не болезненного, а мягкого, следовавшего за ним. Доведись ей познать такое прикосновение раньше, все было бы по-другому, теперь она в этом не сомневалась. Ощущение, когда он проводил руками по ее телу, было столь чистым, столь невинным, что оно достигало ее затвердевшей души, до которой никто прежде добраться не мог.

В темноте он становился для нее всем. Никаких слов не произносилось, но она предавалась фантазиям о том, как будет звучать его голос. По-отечески, тепло. Но когда наступала боль, она его ненавидела. Тогда она могла бы убить его. Если бы только была в силах.

Роберт нашел его в сарае. Они настолько хорошо знали друг друга, что Роберту было известно: если Юхан над чем-нибудь размышляет, то отправляется туда. Увидев, что дома никого нет, он пошел напрямик к сараю и действительно обнаружил там брата, который сидел на полу, подтянув колени и крепко обхватив ноги руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.